

КОСТЁР

9-10

Сыпыри

239/16/17

Издательство
Восток-Запад

Русские люди — храбрые, мужественные воины. Бесчисленны подвиги русских солдат, отдавших за родину свою жизнь и кровь.

История сохранила много героических дел, много славных имен. Но еще больше забылось. Так, например, известен рассказ об одном безымянном герое; имя его забылось, но слава о его подвиге не умерла. Вот что произошло во время войны с Наполеоном. В сражении под Парижем во главе одной из колонн союзных войск шел русский барабанщик. Бодрая дробь его барабана помогла солдатам двигаться быстро — итти в атаку на врага.

Но вот барабанщик, обливаясь кровью, упал на землю. Неприятельская пуля не пощадила его. Он был тяжело ранен в грудь и мог уйти с поля боя. Но русский солдат не покинул сражения. Он знал: заменить его некем. А барабанный бой не должен был умолкнуть, пока войска шли в атаку.

И раненый попросил, чтобы его посадили на ружье и понесли перед строем. Просьбу его выполнили. Тяжело было раненому отбивать дробь, но он мужественно выполнял свой долг. Его палочки мелькали так быстро и четко, что никто не мог догадаться, что барабанщик ранен смертельно...

Только смерть могла помешать этому безвестному герою выполнять свой скромный долг. И верно, барабан умолк только тогда, когда стойкий барабанщик упал замертво.

Солдаты, которых раненый барабанщик вел в атаку, вынесли тело храбреца с поля боя. И о подвиге героя сообщили русскому командованию.

Прошли многие годы. Но память о безвестном барабанщике, до последней капли крови выполнившем свой долг перед родиной, все еще жила в народе. Не редко в казармах можно было увидеть на стене картинку: на ней был изображен раненый барабанщик впереди колонны. И долгие годы солдаты рассказывали о том, как славно погиб этот неизвестный герой.

Так беззаветно служили родине наши деды и прадеды.
Так завещали они служить и нам!

КОСТЁР

9-10

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ★ ЦЕ ВЛКСМ ★ 1942 ★ ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

„Пионер горячо любит свою родину и ненавидит ее врагов“ — так говорит одна из десяти заповедей юного пионера.

Горячо любить родину — это значит уметь защищать ее, готовиться стать ее отважным защитником.

Ненавидеть врагов родины — это значит быть готовым отразить неприятельский удар, уничтожить врага.

Военно-физическая подготовка, овладение военными знаниями — вот что подготавливает пионера к почетной обязанности будущего воина, будущего защитника страны своей.

На снимке: пионеры на занятиях стрелкового кружка.

ТАНЮШКА

Л. УСПЕНСКИЙ

рис. В. Конашевича

Вечером пришел дядя Федор и вызвал мамку в Лежнево на дежурство: сад от мороза охранять.

— Ау, брат Натуш! Теперь-то в деревне ребята все на фронте, остались старики да бабы... Обижаться, кроме как на немца, на проклятого, не на кого, Степановна. Переживем как-нибудь, перебедуем. Только б его, немца, кокнуть!

Это так дядя Федор уговаривал мамку. Но, как Танюшка понимала, мамку уговаривать было нечего. Мамка сказала: „Ясно, ясно, дядя Федя!“, одела отцовские русские сапоги-осташи, потому что было еще очень грязно, положила в торбочку хлеба и кусок жареного налима (она сама поймала его вчера на Рубеженке черпаком), повязала на голову теплый плат, накинула папкину же восхитительно пахнущую махоркой и пороховым дымом старую кожаную куртку, и сборы ее были окончены.

Потом она занялась Танюшкой и ее домашними делами. Хоть девке и одиннадцатый год, а ведь не взрослая, так без заботы не бросишь.

Мамка подробно показала Танюшке, что где стоит. Молоко Митючку, мальцу, стояло в подполье. Молоко с кислинкой, для „Барыни“ — на полке. Если с Митючком произойдет беда, пока он уляжется спать (за ним это еще водилось), так чистые штанишки ему в большом выборе висели на жердинке за печкой...

Танюшке предстояли дела и дела: надо было накормить перед сном мальчика, закрыть и припереть колом курятник, снять развешенное белье. Перед сном она должна не

забыть защелкнуть щеколду в сенях, замкнуть ворота, а главное, как всегда, когда мать отлучалась на ночь, запереть ставенки на окнах. „Конечно, место у нас тихое, глухое... Не на фронте живем, — сказала мамка (как бы объясняя свои распоряжения дяде Федору, высекавшему, на радость Митючку, огонь кремнем), — ну, а все же... И ты, смотри, Танько, лампу зажги, а на ночь прикрути и пускай горит: мало ли! И ставни, как прикроешь, гвоздиками обязательно затыкай“...

— Умно, умно, Степановна! — одобрил со двора ее приказы дядя Федор, и трубка его с писком и хрипом разгорелась. — Слушайся матери, Татьян, а то гляди, — деру получишь!

Татьяна тряхнула косичками. Угроза ее не испугала: в мамкину деру она не верила. Однако, на всякий случай, она сказала все же: „Не-а!“

Когда мамка ушла, Танюшка сразу же почувствовала себя большухой, хозяйкой. Для начала она взяла веник и примерно подмела сени, ворча на то, как их замусорили, потом навела строгость на Митючка, вытащила его, тяжелого, на песчаную кучу перед домом и села посидеть, как хозяйке положено, у открытого окошечка.

Стояла весна. Вечер был нежный, теплый, как парное молоко. Сзади, за избой садилось солнце, горел большой рыжий закат, а здесь, впереди, на бледно-голубом небе собрались стайкой красивые золотые, розовые и синебагровые облака, одни крутые и выпуклые, как речная пена, другие невыразимо тонкие и шелковистые, словно пушинки небесных одуванчиков.

Перед избой тянулось широкое низкое разлужье — пойма Рубеженки. Влево оно переходило в кусты, по которым, невидимая за ними, катилась река. Далеко за кустами, на том берегу, за разливом, местность повышалась. Оттуда глядели на этот берег поля, разбросанные по холмам, еще голые березовые рощи, желтая влажная дорога, та самая, по которой скоро, переплыв на „комейках“ Рубеженку, пойдут в гору, по направлению к белой церкви в Лежневе мамка и дядя Федор. Деревня Лежнево виднелась на горе, и правей ее, над кладбищенской рощицей вставала теперь светлая, большая, точно недочищенный медный поднос луна.

Прямо перед Танюшкиными глазами, за лугом начинался лес. Он широкой дугой уходил вправо и расстилался там, на сколько глаз хватает, — большой, молчаливый, настоженный. Еще не одетый, еще полупрозрачный с зимы, он слабо туманился теперь первой зеленой дымкой. „Папкин лес!“ — над этим лесом Танюшкин папка был лесником.

За первыми деревьями этого леса (Танюшка не видела, но хорошо знала это) тянулось полотно железной дороги, с телеграфными столбами, похожими на огромные ландыши, и веселым блеском рельс. Оно, сквозя кое-где между деревьями, выходило к Рубеженке, перекидывалось через нее высоким белым мостом о четырех решетчатых горбах и убегало на тот берег, за бурюю Лежневскую гору. Днем сейчас, пока лист на березах и осинах еще не распустился, можно было видеть сквозь лес дорогу, обыкновенную, не железную. Хотя она тоже выходила из леса и тоже бежала к реке, к переезду, — теперь, весной, по ней никто не ездил: на ней была такая грязь в это время года, что позапрошлой весной, вон там, у заворота увяз с ночи молодой лосик. Папка ходил с досками и веревками вытаскивать лосика, потому что он был папкин: ведь папка-то — лесник.

Вспомнив папку, Танюшка расстроилась: вот уже скоро десять месяцев, как она не видела его. И плакать по этому поводу особенно не приходится: папка на фронте. Он немцев бьет. А лесником теперь мама. Но только бабушка и та сказала: „У-ту! какие из нас с твоей мамкой лесники? Нас и заяц лапой под куст завалит!“

Танюшка посмотрела на стенку. Там были воткнуты в щель рядком один, два, три — много треугольничков — отцовских писем. Потом она взглянула на карточку. Папка на карточке был таким, каким она его ни разу в жизни не видела, — молодым, пре-

красивым-красивым моряком. Он стоял на берегу большого моря, по которому шли корабли. На груди у него висел бинокль, а на шапке было написано „Стойкий“. Таню очень радовало, что ее папка „стойкий“, она хорошо понимала, что фашистов обязательно надо бить. Но все-таки, будь он дома, они бы пошли с ним сейчас на Рубеженку ставить нителъницу на налимов... А потом он, гляди, и принес бы опять зайчонка из лесу, либо ежоночка...

Как раз в это время старый прошлогодний заяц Байбак, точно нарочно, чтобы еще больше расстроить Танюшку, выполз, прогибая спину, из-под печки и высоко поднимая неуклюжий зад, подскочил к лавке, посидел у таниных ног, шевеля разрезной губой, и вдруг, обидевшись, что на него не обращают внимания, что есть духу стукнул по полу задними ногами, точно из ружья выстрелил. Тане стало совсем непереносно. „Уйди, линючий!“ — сказала она, толкнув Байбака ногой, выскочила на улицу и, бросившись к Митючку, обняла его, такого бедненького, толстого, стала целовать:

— Сыночек ты мой! Рожоненький ты мой, — жалобно причитала она. — Сиротиночка ты моя желанная!

Но „сиротиночка“ сердито высвободилась из ее материнских объятий:

— У! Я тибя! — недовольно замахнулся на сестру Митючок, и вдруг насторожил уши. — Така! Машина!

Действительно, за лесом тяжело грохотало. Донесся хриплый могучий гудок. Байбак перестал чесаться, подпрыгнул и заковылял к крыльцу: он боялся поездов, а они теперь ходили здесь поминутно и все везли и везли что-то на войну, на фронт. Папке.

Потом скоро начало темнеть. Митючок раззевался, отяжелел, стал капризничать. Пришлось напоить его молоком, уложить. Он буянил, не хотел угомониться, но как только голова его коснулась подушки, вдруг завел глазки под самый лоб, закинул толстые лапы за голову, приоткрыл рот и стал теплым — теплым. Потом начал посапывать: „Пфифф-пфафф! Пфифф-пфафф!“ и заснул.

Однако стоило только очередному поезду загреть где-то за лесом, как он сразу же, не просыпаясь, поднимался на локтях, озабоченно водил носом, тарачил не открывающиеся глаза и шепеляво спрашивал: „Паш-ша-жир-шкий?“ и валился на подушку снова.

Когда сильно стемнело, Танюшка аккуратно и тщательно переделала все дела, которые ей заповедала мамка и даже неко-

торые сверх того: загнала Байбака в подпечье, чтобы его филины не унесли, нашлепала и уложила куклу, вымыла в хозяйственном восторге все-превсе чашки, даже барынину, постелила себе спать. Потом, уже босая, вышла припереть ставенки.

Ставни надо было сначала захлопнуть, потом заложить железными болтами, а затем, уже из комнаты, засунуть длинные гвозди в скважинки болтов. Тогда окошки наглухо закрывались толстыми деревянными щитками; только в одном из них, против форточки оставался свободный квадратик.

Ставни эти папка навесил перед тем как уехать на фронт. „Ну, Танько, теперь у нас не дом, а дот будет!“ — сказал он тогда, и теперь Танюшка с удовольствием закрывала эти щитки, потому что они папкины. Но, вообще-то говоря, она ничего не боялась. „А чего бояться, спрашивается? Место наше — глухое, тихое... Не на фронте!“

Однако ей было приятно привести в действие папкину последнюю работу. „Все-таки — лес, пустошина, мало ли“ — строго думала она мамкиными взрослыми словами. „Где твое Лежнево? Одни живем!“ Но даже эти мысли не приводили ее в трепет. Самое главное — оставалась она так, одна, с Митючком, Байбаком и Барыней, с курами и поросенком, с Красавкой, жующей жвачку в хлеву, уже далеко не в первый раз. Куда тебе — в первый!

Пока она работала на улице, прошли два поезда, — туда и оттуда. Понемногу смерклось. На том берегу, под горой, на закруглении зажегся зелененький глаз семафора. Стало холодно. Танюшка хотела уже бежать домой, но в эту минуту до нее донесся снова далекий рокочущий гул. Никак еще поезд?

Она замедлила. Но это был не поезд, это было что-то другое. Вот смолкло... Вот — опять... „Ух ты! Никак — самолет!“

И действительно, это был самолет.

Он внезапно с рычанием вырвался из-за леса, круто повернул, точно испугался, что на лугу стоит дом, а перед домом — Танюшка, взмыл выше, потом еще выше и ушел назад. Девочка даже не успела разглядеть его хорошенько, так быстро он пронесся.

Все-таки, вытягивая тонкую шею, она постояла еще несколько мгновений, прислушиваясь. Самолет! Самолет в этих местах был редкостью. Перед этим самолеты, целых шесть штук, пролетали над танюшкиным домом только прошлой осенью. Но тогда они летели очень высоко, крошечные и блестящие, в синем холодном небе. А этот — вон он, как низко... И Танюшка пожалела, что Митючок спит.

Однако стало совсем холодно. Танько потянулась, зевнула. „Спать ступай, Татьяна! — сказала она себе строго. — Живо спать, вольница! А то, гляди... деру будет!“ И засмеялась.

Она быстро заснула, угревшись рядом с теплым, что печурка, Митючком, на мамкином месте, в рыжеватом свете прикрученной коптилки. Последнее, что она видела, это — Барыню, которая выскочила, как всегда, из самого неожиданного места — откуда-то с потолка, ткнула носом в пустую чашку, мило облизнулась и, легко вспрыгнув на постель, замурлыкала сейчас же в ногах.

Потом что-то разбудило ее. Нето Митючок ударил ее кулачком по уху, нето ей послышался гулкий хлопок, точно бы выстрел.

Она села, встрепенувшись, на постели, прислушалась.

Все было спокойно. Лампа накопила на стекле черно-коричневый язычок. Около нее билась и трепетала, бросая на стены суевлившую тень, какая-то ранняя моль. В чулане громко хлопал крыльями и пел спросонок петух... Пропоет, замолчит и прислушивается, и если прислушаться вместе с ним, то начинает казаться что где-то далеким-далеко, за полями, за морями, за темными лесами, нето в Лежневе, нето еще дальше, чуть слышно, тонко, отзываются другие петушинные голоса...

Танюшка снова легла и закрыла глаза. Но вдруг ее точно оплеснуло холодной водой. Ни с того, ни с сего ей стало как-то не по себе. Скучно как-то... или страшновато немного. Этого с ней не бывало никогда.

Она лежала теперь на спине, насупив брови, смотря в бревенчатый потолок и вслушиваясь в тишину. Почему-то ей пришел на ум вчерашний разговор. Вчера пришла с плачем тетя Маня, будочница с дороги и, всхлипывая, рассказывала про письмо от дочки, которую только что Красная Армия освободила от немцев. Немцы страсть чего понаделали в тех местах! Они всех били, вешали, жгли, „...а таких маленьких микроскопиков, как ваш Митючок, — вот таких, — сказала тетя Маня, — побросали в колодец“.

Таня вздрогнула, вспомнив про это: „Митючка — в колодец? Митючка? Не дам!“

Она повернулась, крепко прижала к себе теплое, мирно дышащее родное тельце, и Митючок быстро-быстро заговорил, залопотал что-то „не по-русски“ во сне. Этого вот Митючка — в колодец? Такого маленького? У, немцы!..

Беспокойство ее все росло. Выбравшись из-под одеяла, Танюшка села на кровати, спустила ноги, подрагивая от холода. Она поглядела на стену напротив. Широкое папкино лицо смотрело оттуда в темноту избы, на стол, на бадью под рукомойником, на лавки, на большой красивый лист с нарисованными на нем бабочками и надписью: „Бабочка-монашка и борьба с ней“, на кровать и на спящего на ней Митючка, на нее Танюшку.

„Пап!“ — зашептала тогда она про себя, еще больше пугаясь собственного шопота. „Пап! Ты их бей! Ты, смотри, их хорошо бей! Чего они маленьких-то, немцы! А то они придут, они Митючка — в колодец!“

Папка смотрел из рамки, но ничего не отвечал. Девочка повертелась еще, не находя себе места, встала, зашлепала босыми ногами по полу, напилась квасу... Но тревога ее не проходила. И теперь она уже ясно понимала: нет, это не Митючок ударил ее. Ее разбудил выстрел. Кто-то стрелял тут, недалеко. А кто? Зачем? Папки-то ведь нет?

Таня не знала сколько времени провела она так, в этой непонятной бессонной тревоге. Не могла она сказать и что именно ее беспокоило. Ведь все вокруг было таким же тихим, как всегда.

Торопливо бежали вперед ходики. Байбак под печкой частенько хрустел морковным оглодком. Петух запел опять. Лунный квадратик окна потускнел, когда луна зашла за рябину, а потом снова начал медленно мутнеть и светлеть. Но что-то такое было...

Вот почему девочка почти не удивилась, не испугалась уже, когда под окнами на улице послышались тихие крадущиеся шаги, невнятное бормотанье или вздохи. „Не пущу! — подумала только она. — Зачем пришел? Не пущу!“

Тихонько сползла она с кровати, подкралась не к тому окну, где была фортка, а к соседнему, прижала нос к шершавым доскам ставня, заглянула в щель.

На дворе было еще лунно, хотя рассвет занимался тоже.

От рябинки, росшей напротив, на Митючкову песчаную кучу ложилась жиденькая тень. А около самой кучи стоял на земле какой-то „дяденька“, в темной одежде, и зубами, с трудом затягивал узлом белый бинт на левой руке.

Танюшка точно приросла к своей щели. Темный человек с усилием кончил свою перевязку. Видно было, что больная рука его совсем не действует... Тотчас же на белом бинте проступило круглое темное пятно. „Кровища!“ — подумала Танюшка. — „Ну да, — разбойник!“

Потом человек воровато осмотрелся направо, налево, пробормотал что-то себе под нос... Прихрамывая он подошел к воротам, постоял, подумал, пристально оглядел танюшкин дом (так оглядел, точно хотел унести его с собою) и наконец осторожно побрякал концом щеколды. Таня перестала дышать.

Человек прислушался, побрякал еще.

— Хозяин! — сказал он затем негромко, устало и жалобно, но от этой его жалобности у Танюшки мурашки по коже прошли. — А хозяин? Делай на милость, отпирай... — Никто ему не ответил.

— Я один есть, хозяин... Не бойся! — добавил он, обождая.

Танюшка тихо-тихо села на лавку.

Человек затоптался снаружи на песке. Потом он поднял правой рукой свою култышку, осмотрел ее, покачал головой, с сердцем сказал что-то.

— Эй, хозяин! — уже громче стукнул он в воротину. — Что мне, помирать тут? Отпирай сейчас! Слышишь?

Таня молчала.

Она услышала тогда как человек этот скрипнул зубами, может быть от боли, а может быть от злости. Сорвавшись с места, он быстро пошел, почти побежал вправо, за угол дома... „Неужели совсем уйдет? Что ж делать-то мне, мамушка милая? Ну — не отопру, ни за что не отопру!“

Но нет, он не ушел! Он выглянул слева, из-за придворка. Наверное обежал все кругом, убедился, что все тут построено под одну [крышу, как маленькая крепость, забраться решительно неоткуда.

Несколько мгновений он, запрокинув голову, жадно смотрел на верх ворот, потом яростно плюнул: без руки ему было нечего и пытаться влезть на них. Тогда он уже

совсем резко и бесцеремонно стукнул ногой по тяжелой доске подворотни.

— А, так? — нетерпеливо и зло сказал он. — Не кочешь меня пускать, свинья? Ну так я сам ходить буду!

Он резко двинулся вперед и легко вскочил на скамейку под окнами. Этого Танюшка не выдержала. В испуге она отпрянула на середину комнаты. А этого-то ей как раз и не следовало делать: как только тот, страшный, заглянул внутрь избы через форточку, он сразу же увидел маленькую комнату, освещенную полупогасшим ночником и бело-головую десятилетнюю девочку; прижав к груди худенькие руки, она с ужасом, в упор смотрела на него. И страшный человек рассмеялся.

Он был опытен и умен, был мастером своего дела, этот страшный. Его в школе учили как надо выпутываться из затруднительных положений. Он сразу сообразил: „Э, девчонка, видно, одна! Будь дома кто-либо из старших, она давно бы разбудила, позвала бы на помощь. Это — редкая удача, после всех бед...“

— Эй, маленькая! — крикнул он тогда, стараясь, чтобы ни нетерпение, ни досада не сквозили в его голосе, — эй, куколка! Открывай немедленно! Я есть районный агроном! Я иду на деревню, которая носит название Лежнево. Упал в лесу. Поранил руку. Пускай ночевать!

Теперь Танюшку била настоящая дрожь. Она ничего уже больше не видела. Она видела только это окно и за форточкой бледное лицо, два злых незнакомых глаза. Справа был облик, гвоздь, вязка веревок на этом гвозде. Слева — ходики, папкина карточка. Перед ней — стол с лампой, а за ней — спит Митючок...

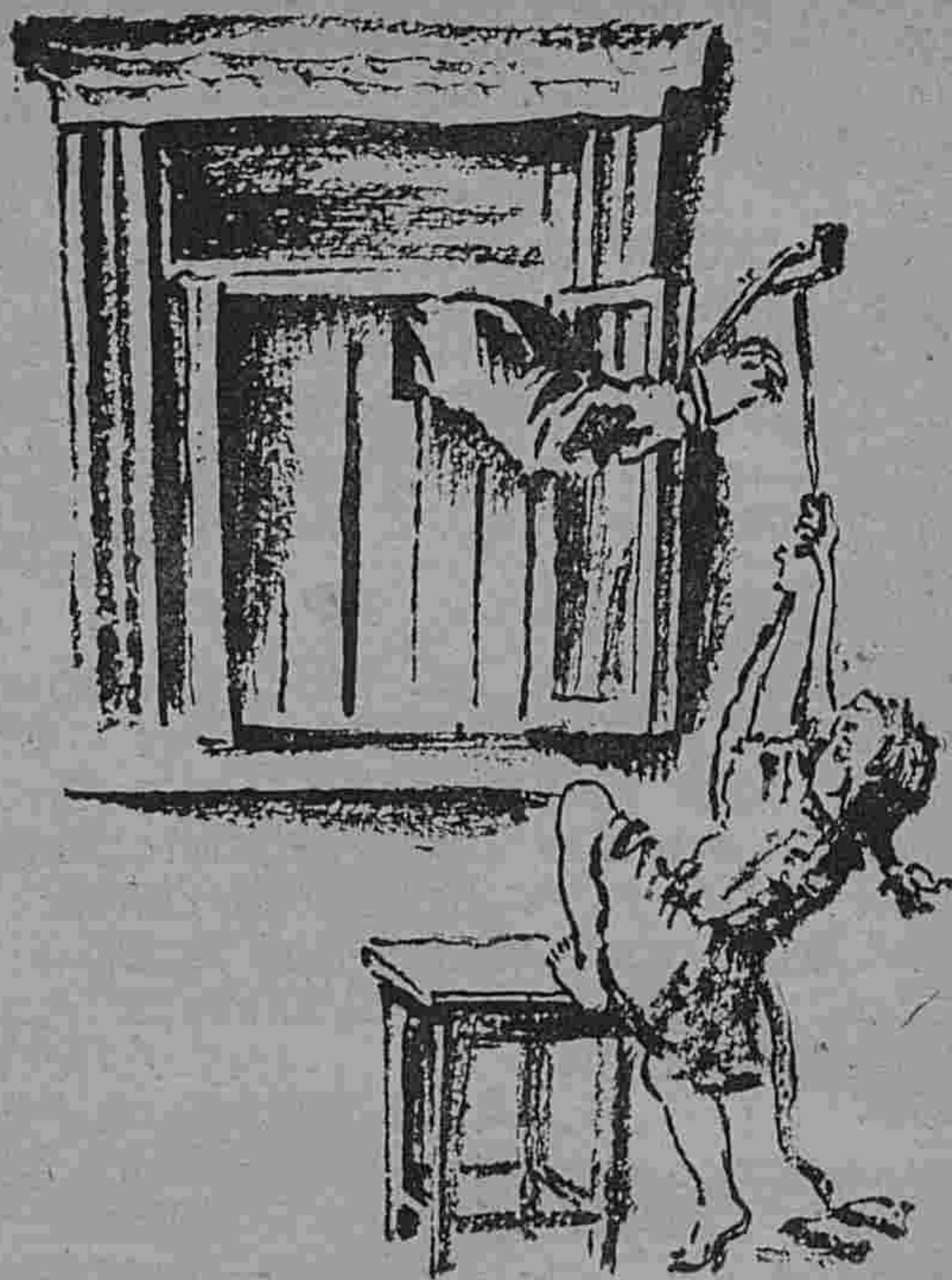
Она отчаянно затрясла головой:

— Нет! Не открою! Уходи! Уходи, дядька!

— Слушай, ты, девочка! — заговорил этот человек сквозь стекло, почти ласково, почти умоляюще. — Ну, ты есть глупый ребенок! За что ты меня боишься? Хочешь, я тебе буду угощать шоколадэ? Я очень хороший человек! Я есть раненый краснормейц!

Иногда самая малая пустяковина все решает в жизни людей. Ерунда, глупость, а все освещает, точно молнией, заставляет даже глупыша понять то, до чего ему никогда бы не додуматься.

Танюшка никогда не видела в жизни живого немца. Танюшка никак не могла предположить, что какой-нибудь немец может вдруг забрести сюда, в их глухие, тихие, далекие от фронта места. Но сейчас, услышав это слово „краснормейц“, как его тщательно, по слогам выговорил человек

за форточкой, она вся содрогнулась. Нет, это был не разбойник! Это был он, фашист! Он пришел сюда...

Она ничего не думала и не могла думать. Откуда было ей знать каким важным военным объектом был мост через Рубеженку, как страстно хотелось немецкому командованию разорвать эту важнейшую русскую дорогу, прошедшую мимо танюшкиного дома. Это бледное лицо и тот быстрый самолет, который пронесся над ней вечером никак не связались у нее в голове. Но теперь она знала твердо: это — фашист. Знала она и зачем он сюда пришел. Он пришел, чтобы бросить в колодец Митючка. И вот она вдруг перестала дрожать. Потому что разбойники это то, чем ее пугали бабкины сказки и их она боялась до дрожи. А фашисты были те, кого бил папка на фронте. Их она и ненавидела и презирала всеми силами своей души.

Уже совсем уверенно она замотала головой:

— Не пушу я тебя. Ты — фашист!

Фашист отчаянно выругался за окном.

— Ах, да? Ты — не пушу? — переспросил он. — Ну, я буду входить сам!

Стекло форточки звякнуло, выдавленное снаружи, осколки рассыпались по полу, и в квадратик ставня торопливо вползла рука в черном рукаве. Она суетливо ошупала шпингалет оконной рамы, дернула его. Рама распахнулась, но ставень-то был закрыт. Человек бешено пробормотал что-то там, за ставнем, дернул с силой болт. Потом, поняв

в чем дело, он с силой захлопнул раму опять. Рука его, точно живая, точно она была совсем отдельным существом, как большая опасная гусеница, побежала к облипку. Танино сердце заметалось до боли. „Сейчас... найдет гвоздь! Найдет, и тогда... Митючок...“

Вряд ли сама она, девочка, Таня, Танько, дочка лесника, могла потом объяснить, как пришло ей в голову сделать то единственное, что было нужно и возможно.

Человек, стараясь дотянуться рукой до окончания болта, плотно заткнул плечом фортку. Он теперь не видел Тани, не видел ничего в комнате. Ставень трясся и скрипел под его напором. Он пытался и стоял там, за окном. Болт был близко, очень близко. Рука, перебирая сухими пальцами, все тянулась, тянулась к нему...

Ее надо было остановить, остановить во что бы то ни стало! Таня рванула с гвоздя веревку. Не дотрагиваясь до страшной руки, она окинула ее веревочной петлей, перебросила конец через оконницу на гвоздь, и повиснув на нем всей тяжестью, замотала.

Страшная рука с силой рванулась назад. Веревка впиалась в нее у запястья, возле тонкого металлического обручика... Ставень заходил ходуном. С улицы послышался целый фонтан заглушенных проклятий, приказаний, просьб...

Девочка в избе, еле озаренной ночником, маленькая, худенькая, с широко открытыми от ужаса и гнева глазами, продолжала заматывать свободный конец веревки за скамейки, за бадью, за все...

Как только до Лежнева дошел слух о том, что вечером несколько немецких парашютистов, сброшенных с самолета над лесной поляной, пытались пробраться к мосту, были замечены стражей, подверглись обстрелу и, потеряв одного человека убитым, скрылись в лесу, — как только эта новость распространилась среди работавших в саду женщин, — Наталья Степановна, танюшкина мать, забеспокоилась. Она хотела сейчас же одна бежать к переезду и переправляться на свой берег: мост-то ведь совсем возле дома! Девочка-то одна-одинешенька там.

Танин дед, дядя Федор не отпустил ее одну. Старый солдат, он зарядил свою верную, времен до империалистической войны берданку, сунул пару патронов в карман, на всякий случай, и они отправились. Они

переплыли, как положено, через реку, миновали одну речную стругу, вторую, поднялись на пригорок и...

Танюшкина „мамка“ остановилась на месте, схватившись руками за голову. На таком расстоянии нельзя было разобрать подробностей. Отсюда было видно только, что высокий черный человек, став на скамейку у окна лесникова дома, делает что-то рукой в его фортке.

— Батюшки... Господи! — только и могла прошептать она, но дед уже торопливо стаскивал с плеча берданку.

Первые десять или пятнадцать шагов они сделали еще таясь за кустами, еще не в силах понять, что же делает там так долго этот неподвижно застывший черный. Но потом дед, вглядываясь, закричал:

„Натуш, Натуш, да ведь никак он, гад, зацепился за что? Ай, доченька...“

Несколько секунд спустя они оба уже, задыхаясь, бежали к избе.

Не удивительно, что немец, накрепко привязанный этой проклятой русской девочкой, ослабевший и от потери крови и от крайне неудобного положения, в котором ему пришлось долгое время полустоять, полувисеть, впал в обморок задолго до того, как подоспели танины мамка и дед.

Нет ничего странного в том, что на-смерть перепуганная Татьяна добрые полчаса не решалась открыть дверь, хотя и слышала голоса своих. Деду уже пришлось, потрянув стариной, приготовляться к нелегкому путешествию через ворота, когда она, наконец, с отчаянным ревом распахнула их.

Не дивно, что мать схватила ее на руки, припала к ней всем телом, ощупала только, — цела ли, и вихрем ворвалась в избу, даже позабыв про немца (про немца не позабыл дед!)

То поразительно, что Митючок так и проспал всю эту страшную и необыкновенную историю. Митючок ничего не слышал — ни дребезга разбитого стекла, ни проклятий и стонов привязанного немца, ни плача Танюшки, ни причитаний мамки... Ничего.

Но как только через мост, грохоча колесами, побежал и замелькал между деревьями леса первый поезд, как только в открытое окно ворвался первый могучий вопль паровоза, Митючок сел, как встрепанный, на подушке.

— Паш-ша жир-шкий?? — озабоченно спросил он, и зевнул.

Унтер-офицер
МАХОШИН

В. ГЛИНКА

рис. Г. Петрова

Летом 1799 года вся Европа говорила о Суворове. Семидесятилетний фельдмаршал наносил одно за другим поражения прославленным французским полководцам. Петербургский двор праздновал победу за победой, запыленные курьеры подносили императору Павлу ключи от сдавшихся крепостей. Русский штык очистил от французов Италию и теперь австрийцы спешили присоединить к своей империи эти новые цветущие области. Венский придворный совет предписал Суворову двинуться в Швейцарию, чтобы вытеснить французов и оттуда. Противник имел здесь более восьмидесяти тысяч войска и располагал богатым опытом горной войны. А у Суворова было двадцать тысяч русских бойцов и несколько мелких австрийских отрядов, разбросанных в горах. Был еще корпус Римского-Корсакова, но он находился по ту сторону Альпийского хребта, близ Цюриха. Нужно было скорее соединиться с ним и с австрийцами и не дать разбить себя по частям; и Суворов избрал кратчайший путь, лежавший через Сен-Готардский перевал и дальше по берегам Люцернского озера. Полководец знал, что войскам его предстоят величайшие трудности; но австрийские офицеры настаивали на этом пути, уверяя, что превосходно знают Швейцарию. Обозы и артиллерию Суворов

отправил кружным путем и заранее разослал австрийским отрядам указания, где надлежит им соединиться с русскими.

Но уже в предгорьях Альп Суворов узнал, что австрийцы не заготовили продовольствия, не прислали мулов. Это срывало план всей кампании, а через два дня фельдмаршал предполагал уже штурмовать Сен-Готард. Только через десять дней русская армия могла, наконец, выступить. Начался знаменитый швейцарский поход.

Стояли холодные осенние дни, дождь лил, почти не переставая. Люди в промокшей одежде шли с рассвета до темноты. На ночлегах они редко находили топливо, чтобы сварить пищу и обогреться. Мрачная природа наводила тоску. Куда ни глянь — голые камни, мхи, одинокие кусты. Продовольствия было мало — вьюки отставали, сухари в них мокли. Но с армией шел ее любимый герой — Суворов. В старом плохоньком плаще, то верхом, то пешком, полководец являлся там, где всего труднее приходилось солдатам. Улыбаясь, шутил, подбадривал. И отважно взбирались русские всё выше и выше, туда, где сверкали вечные снега, чтобы затем начать спуск в мрачное ущелье или перейти по пояс в холодной воде быструю горную речку. И при этом постоянно сражались. На третий день похода, после упорного боя, был взят неприступный Сен-Готардский перевал, и еще через день, в яростной рукопашной схватке перейден висевший над бездной Чортов мост.

Суворов занял местечко Альторф. Отсюда путь лежал по берегам Люцернского озера к Швицу, в тыл к французам. Но австрийцы обманули старого фельдмаршала: дорог вдоль озера не было. Русские оказались в тупике и могли только повернуть обратно. Однако Суворов должен был во-время поспеть в город Швиц, чтобы не разминуться с австрийскими отрядами и корпусом Корсакова. И вот он решил пробраться по глухой тропинке через хребет Росшток. „Где пройдет олень, — там пройдет и солдат“, говорил Суворов. И 16 сентября русские начали этот удивительный и страшный переход.

На второй день движения через Росшток несколько солдат отдыхали на небольшом выступе скалы близ тропинки. На мокрых камнях, тесно прижавшись друг к другу, дремали люди. Под отвесной стеной утеса двое солдат разводили костерок из мелких сучьев и щепок, а рядом на камне присел высокий и плечистый унтер-офицер. Этого будто ни холод, ни усталость не брали. Неторопливо разувшись, он достал из ранца короткую толстую палку с железным плоским наконечником и вздел на нее стоптанный сапог.

Потом насыпал рядом на камень деревянных шпилек и ковырнул шилом дырявую подошву.

— Так, выходит, и не сыскалось тебе-то новых? — обратился к унтеру ротный шутник и прибауточник. Стоя на коленях, он вытирал грязным кулаком слезившиеся от дыму глаза. И вдруг продекламировал: „Обувка новая у целого капральства...“, причем звонко шлепнул себя по щиколотке, обтянутой крепким штиблетом французского образца. Потом, пожевав губами, подыскал рифму: „Отстало ото всех одно начальство...“

Унтер ответил не сразу. Три дня назад его взводу, или как тогда называли капральству, посчастливилось отбить у врага повозку с аммуницией и сапогами. И сейчас он думал, что его люди едва ли не единственные исправно обутые изо всей армии.

— Что ж капральство, — вымолвил он, наконец. — Сам знаешь у меня-то — во! — и пошевелил босой ногой с растопыренными красными пальцами, похожими на морковки. — Сыщико-сь у француза этакие... Щупел народ. — И вновь взялся за шило.

Прибауточник лукаво усмехнулся.

— Да уж, — протянул он, — супротив Махотина кому выстоять? На этакие ножки не враз сыскать сапожки... — И добавил, обернувшись, — кого-то бог еще дает, Егорка наш сюды ведет...

От тропинки приближался солдат, указывая дорогу человеку, закутанному в офицерский плащ. Ловко шагая через лежавших, незнакомец подошел к костру.

— Сиди, сиди, ребята! — крикнул он повелительно.

По звонкому голосу, по лихо заломленной шляпе солдаты тотчас узнали любимца Суворова, молодого генерала Милорадовича.

— Ну, возьмемся ли подковать? — обратился он к унтеру. — Только твое искусство парень хвалит. — Генерал кивнул на своего спутника.

— Никак нет, ваше превосходительство, — отвечал Махотин. — Так что и клещи и подковы и прочий струмент в обозе оставши.

— Ха-ха-ха, — звонко закатился Милорадович. — Уж я и так, братец ты мой, вовсе облегчен... — Он указал на раскрывшийся темным ртом носок щегольского ботфорта. — Ведь ковать-то меня надобно.

Через минуту генерал сидел у костра, поджав под себя ногу, а ботфорт его торчал на палке Махотина.

— А ты и кузнец выходит? — спросил Милорадович.

— Так точно, был до службы, — отозвался унтер между ударами молотка.

— Что же в конницу не определили?

— Тяжел, говорят. А в кирасиры набору тогда не случилось... Да я и тут, бывает, офицерских коней кую.

— И точно тяжеловат, — согласился генерал, разглядывая с улыбкой богатырскую статью кузнеца и сапожника, — А ты чего делал? — обернулся он к возившемуся рядом прибауточнику.

— Обучен был кондитерскому делу, — отвечал тот бойко. — Муку, изюм, миндаль мешал и портил смело.

— Учил что ли кто тебя, чтоб сряду эдак? — поинтересовался Милорадович.

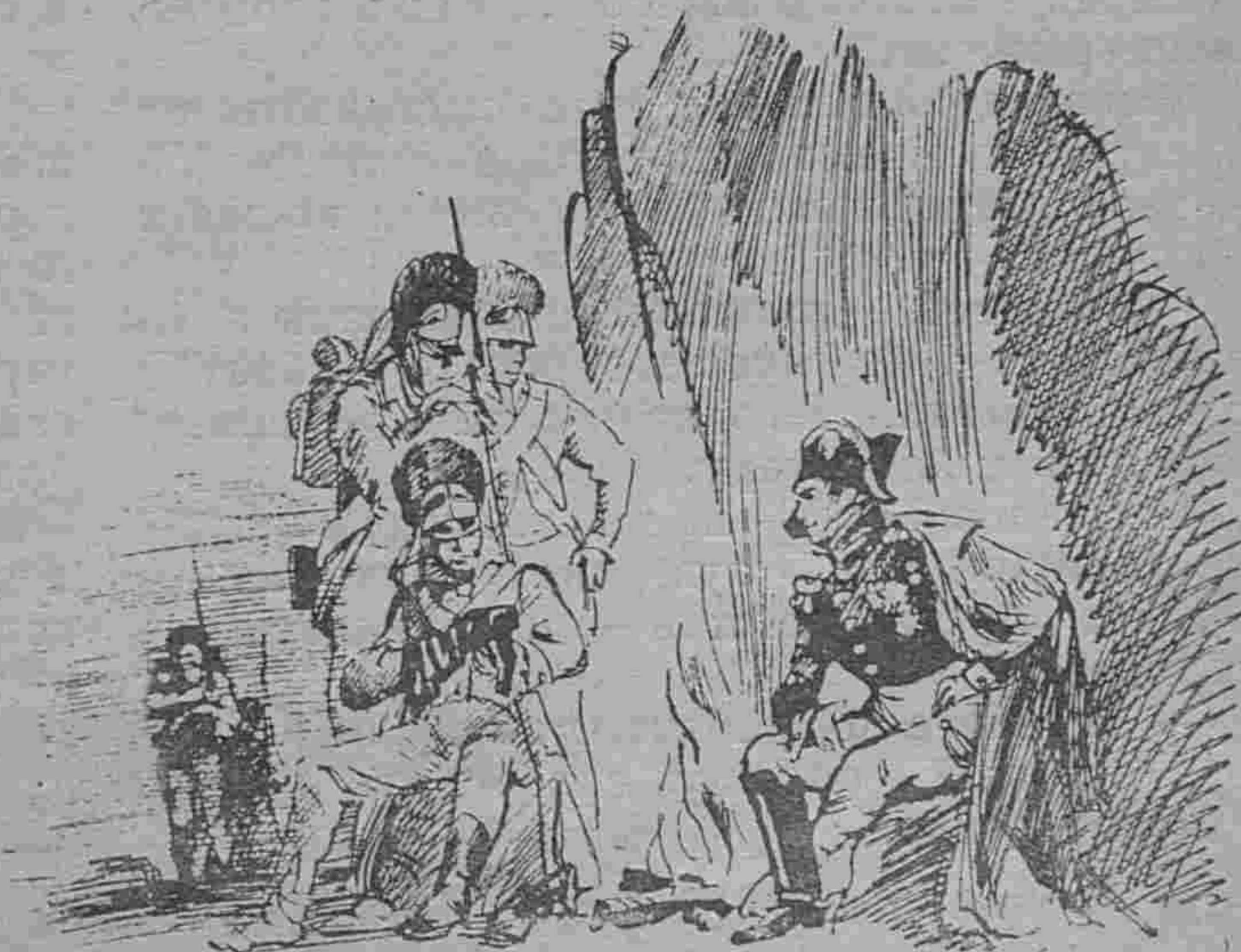
— Зачем? — даже обиделся прибауточник. — Сам дошел. Как в Москве у кондитера мальчишкою жил, то книжки читал, сын у хозяйина грамотный был. Начитаюсь складного в вечеру, а утрием мешу квашню, а сам под нос себе бубню: „Куда приятно как мне вирши сочинять, ни мало не трудней чем пряники валять“...

— Не больно намесишь сейчас, — вздохнул Милорадович.

— А я муки принес-таки немножко, — похвалился кондитер, — собираюсь спечь на углях лепешку. — Он сунул руку за борт мундира. Не угодно ли вот попробовать вашему превосходительству. С утра за пазухой кус малый уберег... Покушайте, чем в скуке ждате сапог.

— Спасибо, только и ты на приправку возьми, — отвечал Милорадович, доставая тщательно обернутую в тряпочку маленькую дольку молодого зеленого сыра. Половину он протянул солдату, а другую принялся жевать с явным наслаждением.

Несколько человек придвинулось к костру,

ожидая не расскажет ли чего интересного генерал.

— Вэтакое нас, братцы, место занесло,— окончив есть, обвел глазами Милорадович обращенные к нему лица.— Ни одна армия тут никогда не хаживала. Мы первые, да мы же верно и последние будем.

— Точно что так,— отозвался Махотин.— Лезем нонче сюды, а внизу под ногами гроза идет. Гром гремит, молонья блещет. Чудеса!

— Да и в Италии, бывало, увидеть довелось чудесных дел немало,— подал голос кондитер.— Деревьев наших нет: березы, ели, клену. А на тебе: пельцын, лавровый лист, лимоны.

— Там-то куда сподручней воевать было,— снова заговорил Махотин, снимая с палки зачищенный ботфорт.— Нам бы только опять француза на чистое поле выманить, авось бы цел не ушел.

— Чистых-то полей долго еще искать,— улыбнулся генерал.— А мы слезем завтра-послезавтра в долину, тут и грохнем по врагу разом... Да ладно, хорошо будет,— добавил он, глядя как Махотин зачищает внутри ботфорта концы шпилек.— Только вот что, брат,— покраснел вдруг, как девушка, Милорадович,— денег у меня вовсе нет... Сразу забыл тебе сказать. Так что возьми ка это, пожалуйста... Продашь, вещь хорошая, аглицкая. И он протянул унтеру небольшую подзорную трубку. На блестящей медной оправе виднелась заботливо выгравированная буква „М“.

С минуту Махотин смотрел на предмет без особого выражения. Потом его широкое, добродушное лицо стало заливаться краской. Он медленно поднялся и сразу стал на голову выше немаленького генерала.

— Чего там?... За что?... Никак нет...— забормотал он несвязно, но решительно.— Не надо мне вовсе ничего... Вещь дорогая, офицерская...

Милорадович понял, что настаивать не следует. Он еще раз поблагодарил унтер-офицера, обулся, кивнул остальным и пошел к тропинке.

— Простой,— проводил его глазами один из солдат.— Не гнушается с нашим братом слово сказать. Чего дал-то тебе?— повернулся он к кондитеру.

— Здешний сыр — по мне он хуже перцу,— проговорил тот, жуя свою лепешку.— Одначе брать должен — дает видать от сердца...

— А знаете ль, ребята, почему он без денег остался?— спросил солдат, что привел Милорадовича.

— Ну, чего?— отозвалось сразу несколько голосов.

— Сказывали, в Альторфе у монахинь хлеб весь скупил для солдат своего полку...

— Такой может,— отозвался Махотин.— Не зря его Александр-то Василич одобряет...

Соединиться с союзниками и с русским корпусом армии Суворова не удалось. Спустившись на другой день в Муттенскую долину, фельдмаршал тотчас же выслал сотню казаков для связи с австрийскими отрядами. Но наших встретили только вражеские аванпосты. А местные жители сообщили Суворову страшную новость: пока основные силы штурмовали Сен-Готард и бились за Чортов мост, войска Массена разбили отряд Римского-Корсакова. Австрийцы не помогли русским, они бежали без боя. И войска Суворова оказались окруженными... Герцог Массена грозил взять в плен самого Суворова и его генералов.

На военном совете Суворов, обычно бодрый и уверенный, на этот раз был подавлен, встревожен. Его лицо осунулось и заострилось.

Что было делать? Русская армия никогда не отступала... Итти к Швицу — невозможно. Там — главная французская армия. Помощи ждать неоткуда...

Оставалась одна надежда на храбрость и самоотверженность русских солдат. „Ведь мы русские!..“ закончил Суворов.

И все генералы, от старика Дерфельдена до двадцатисемилетнего Милорадовича, бросились к Суворову, окружили его, повторяя с волнением: „Да, да, пробьемся, одолеем врага! Умрем, но не отступим!“

Тронутый этим порывом великий полководец заплакал. Но уже не от беспокойства и горя, а от гордости и счастья. Он снова верил в победу.

Потом фельдмаршал продиктовал приказ войскам: двигаться на восток к Гларису через горы, навстречу войскам Сульта и Монитора. А в Муттенской долине оставался аррьергард — всего около трех тысяч солдат. Этой горсти храбрецов ставилась задача: не дать главной массе французов ударить в тыл пробивавшему себе новый путь Суворову.

Аррьергард ждал нападения французов каждую минуту. И рано утром 19 сентября, когда хвост уходивших полков выбирался из долины, раздались первые ружейные выстрелы. То французские разведчики нащупали наших. Потом все стихло. Враги ожидали подхода назначенных для атаки колонн.

(Окончание в следующем номере).

Воин и его оружие

Каждый воин должен знать и любить свое оружие.

Вот какой случай рассказывается в летописи.

Русский полководец Святослав со своим войском подошел к стенам Константинополя.

Византийский император испугался и спросил своих вельмож как лучше одолеть его.

Надо послать Святославу дары, и, если он любит ценные вещи, быть может удастся соблазнить его богатством и роскошью, посоветовали византийские царедворцы.

Император так и поступил. Он отправил к Святославу послов — мудрых мужей. Они должны были наблюдать как отнесется Святослав к богатым подаркам.

Но Святослав едва взглянул на тяжелые византийские ткани, затканые золотом и серебром, на массивные золотые кувшины, украшенные тонкой резьбой и другие драгоценности.

— Похороните, спрячьте, — сказал Святослав своим отрокам.

„Нет такого человека нельзя соблазнить роскошью“ — доложили послы императору.

Велико было уныние византийцев. Никто не знал, что надо предпринять, чтобы предотвратить неизбежную гибель.

Тогда один придворный предложил еще раз испытать Святослава — послать ему оружие. „Настоящий воин, — говорил этот царедворец, — не останется равнодушным к оружию. И если на этот раз Святослав пренебрежительно отнесется к дарам, значит, он не такой уж опасный враг“.

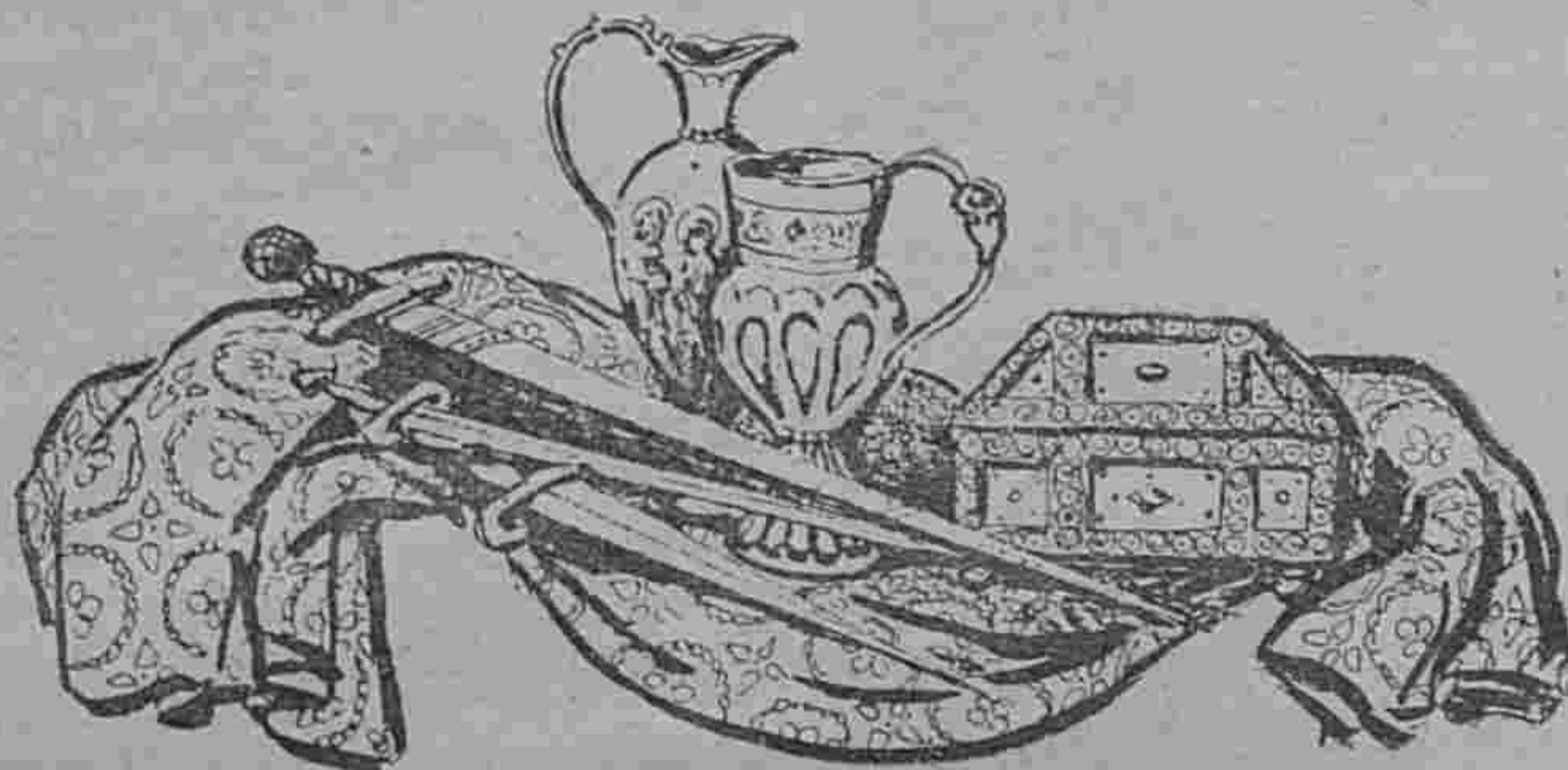
Это был разумный довод. Так и поступили. Но на этот раз Святослав иначе отнесся к дарам.

Как любовно рассматривал он прекрасный тяжелый меч, удивляясь мастерской работе оружейника. Как любовался он острым кинжалом! И чем больше восторгался Святослав, тем сумрачней становились послы...

„Этот муж будет лют в бою, — сказали они императору, — ибо имяние небрежит, а оружие любит“.

И тогда послали сказать Святославу: „Не ходи на нас, но возьми с нас дань“.

Греки знали: человек, который любит оружие и пренебрегает драгоценностями, настоящий воин и война с ним будет не легка.

Письма из совхоза

Богатый урожай овощей вырос на огородах. И в этом немалая заслуга ленинградских школьников. Честно, добросовестно, не уступая взрослым, работали школьники все лето. Осенью ленинградцы получили тысячи тонн капусты и моркови, картофеля и редьки, огурцов, помидоров и других овощей.

А разве самим школьникам работа в совхозе не принесла пользы? Конечно, принесла, и притом немалую: дети окрепли, закалились, приобрели навыки в полевых работах. И, наконец, они узнали много нового, интересного о жизни растений.

Вот что пишет Зина Иванова о своей работе в совхозе.

„Когда мы приехали в совхоз, нас сразу же повели в поле. Иду за агрономом по парникам, а она говорит:

— За время вегетации гибридов подкармливайте их путем полива..

Я от удивления остановилась и даже за рукав дернула свою подругу. Та тоже ничего не поняла. И не мудрено — мы ведь никогда не работали на огородах, в сельском хозяйстве.

Прошло немного времени и такие слова нас перестали удивлять. Мы узнали, что гибриды — это новые виды растений, полученные от скрещивания ранее известных. Например, в этом совхозе растет гибрид картофеля и помидора: в земле — клубни картофеля, а на картофельной ботве — розовеют крупные помидоры. Во время роста их опрыскивают жидким удобрением, это и называется „подкармливать во время вегетации“. Нежные помидоры, благодаря гибридизации, приобретают выносливость картофеля и легко переносят наш климат.

В совхозе мы узнали, какая увлекательная наука агрономия. Какой здесь простор для интереснейших научных исследований! Сельскохозяйственная наука, оказывается, может творить чудеса и заставляет нас менять обычные представления. Например, мы привыкли думать, что только в жарких странах можно снимать в год по 2—3 урожая с одного участка земли. А оказывается, это можно и в Ленинградской области. В совхозе, где мы работали, снимали по три урожая салата и некоторых других овощей.

Первое время работа в совхозе мне казалась трудной, не интересной. Теперь я мечтаю после окончания школы учиться в сельскохозяйственном вузе.“

„Два года назад, — пишет Женя Трухина, — на даче мне захотелось собрать коллекцию бабочек. Однажды я даже поймала красивую бабочку, с желтыми крыльями в черную крапинку. Поймала,

а потом отпустила. Жалко стало убивать такую красавицу. Так из коллекции ничего и не вышло...

А нынче я снова встретила эту бабочку: она вспорхнула с капустного листа. Наша звеньевая сразу же поймала и раздавила ее.

Мне стало жаль красавицу. А звеньевая подвела меня к одному кочну: все его листья были изгрызены и превратились в кружево.

— Это работа красавицы, — объяснила она мне. — Эта бабочка портит кочны.

Оказывается, эта бабочка, — «капустная белянка» — один из самых опасных вредителей сельского хозяйства. Она откладывает на листьях капусты своих гусениц, а те проедают листья.

Узнала я, что кроме бабочек есть еще множество разных врагов и у капусты и у других растений.

Теперь ни я, ни другие ребята не пожалеют красивую бабочку. Всех вредителей мы беспощадно уничтожаем: собираем гусениц, опрыскиваем, окуливаем растения, чтобы помешать насекомым портить овощи.

Теперь я знаю как нужно работать, чтобы сберечь урожай*.

«Когда я, — пишет Толя Титов, — в первый раз увидел в поле густую зелень я сказал;

— Как хорошо взошло! Богатый урожай будет.

— Неверно это, — ответил бригадир, — это сорняки. Надо прополоть, а то урожая не будет.

И вот поставили нас на прополку свеклы. Стал я полоть и думаю: почему сорняки заглушают ценные растения? Спросил у бригадира, а потом сам несколько книжек прочел.

Оказывается, сорняк очень живуч и хорошо переносит наш климат. Одно растение хлебного злака дает около двух тысяч семян, а одно растение сорняка — до ста тысяч семян. И семена сорняков очень неприхотливы и выносливы.

Такая живучесть сорняков не случайна. Их никто не сеет и не разводит — и если бы они не приспособились, то давно бы погибли. А многие наши культурные растения появились не так давно и не успели еще хорошо приспособиться.

Поэтому надо заботиться о культурных растениях, оберегать их от сорняков и вредителей.

За это лето я узнал много интересных сведений, и теперь я решил: вырасту и стану агрономом!»

47-я ШКОЛА ПРИМОРСКОГО РАЙОНА НА ОГОРОДНЫХ РАБОТАХ

Овощи, выращенные собственными трудами кажутся особенно вкусными, так считают ученицы 7-го класса — Ксения Федорова и Нина Спиридонова (слева, внизу).

Чудесные, огромные кочны капусты вырастают тогда, когда за ними ухаживают умело и любовно. Именно так и работают школьники в бригаде педагога т. Мейнеке (справа, вверху).

Чем заняться в часы отдыха? Женя Трухина и Люба Карпова уже нашли себе занятия по душе. Они будут читать толстую, увлекательную книжку (справа, в середине).

На следующий день все ребята прочтут в школьной фотогазете о ходе соревнования бригад. Но как лучше всех оформить этот интересный материал (справа, внизу)?

Фото Л. Трахтенберга.

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПИОНЕР

К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!

В стране, где тебе жилось весело и привольно, где право свободно и радостно трудиться завоевали твои родители, — в этой прекрасной стране — твоей родине, происходит сейчас жестокая война.

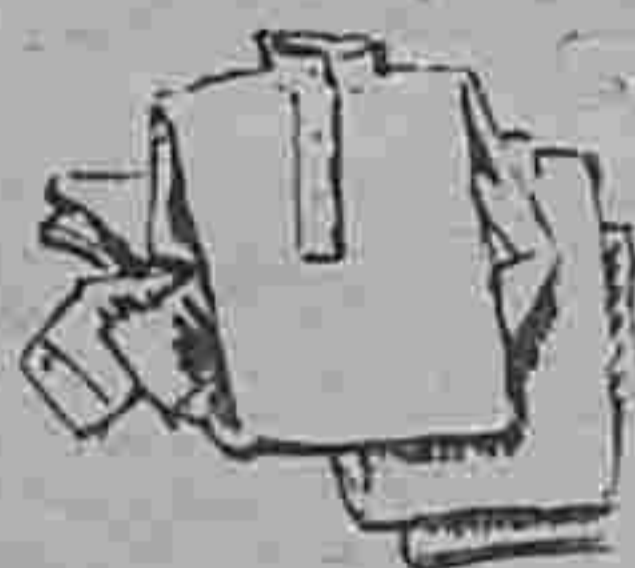
На борьбу с врагом, коварным и подлым, поднялись все люди нашей страны. Одни сражаются на фронте, другие работают в городах и селах. Работают, не щадя своих сил, чтобы дать Красной Армии побольше оружия, снарядов, боеприпасов, чтобы доставить стране все, что необходимо для победы над врагом.

И каждый думает: как лучше помочь родине, Красной Армии, чтобы разгромить проклятых гитлеровцев.

Об этом должен думать и ты, пионер.

К этому обязывает тебя почетное звание юного ленинца. Ведь на знамени твоей пионерской дружины написано: „К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!“.

Пионеры — большая сила

Ты, пионер, как и все мы, хочешь, чтобы как можно скорее были уничтожены фашисты. Значит, ты всеми силами должен помогать старшим.

Старшие вышли на воскресник наводить чистоту, и ты выходи с ними.

В твоём жакете собирают металлический лом и ты возмись за это дело. Собирай лекарственные растения для больных, чини и шей белье для бойцов, вяжи носки и варежки. Работы везде непочатый край. Надо только приняться за нее дружно и энергично.

Вот пионеры Смольнинского района собрали больше трех тонн цветного металла. Из этого металла изготовят много снарядов и тысячи патронов. Эти же ребята сшили шесть тысяч пар белья для бойцов. Это и есть настоящая пионерская помощь фронту, Красной Армии.

Пионеры — большая сила. Они — первые помощники в колхозе, в семье бойца, в детдоме, в жакте. Надо только работать, помогать старшим.

Делай все сам

Старшие всегда придут на помощь пионерам. И прежде всего помогут комсомольцы. Они придут к вам на сборы, слеты, соревнования, проведут беседы. Каждый комсомолец — друг и советчик пионеров.

Но как бы ни была велика помощь старших, работать, отвечать за всю работу должен ты сам, пионер.

Когда-то замечательный русский писатель Горький назвал вас будущими хозяевами страны своей. Но плох тот хозяин, который ничего не умеет делать сам. Стране нужны умелые, деятельные, самостоятельные граждане. И ты в своей пионерской организации приучайся делать все сам, сам отвечать за свою работу.

Тебя интересует военная история — устрой вечер, посвященный Суворову, героям гражданской войны. Ты хочешь стать летчиком или танкистом. Пригласи на сбор командиров и они расскажут много интересного о своей боевой работе.

Помни, работа в твоём отряде станет тогда интересной, если вы, пионеры, проявите выдумку и инициативу.

Труд в нашей стране — дело чести, доблести и геройства. Об этом ты, пионер, не должен ни на минуту забывать. Настоящий пионер — не белоручка. Если надо — он пришьёт себе пуговицу, заштопает чулок; дома — наколет дров, принесет воды, посмотрит за малышами; в школе — уберет класс, починит сломанное, поможет оборудовать спортплощадку.

А у себя в колхозе! Многие пионеры энергично помогают колхозникам. Например, ученики Кесовогорской школы Калининской области сами утеплили и выбелили конюшни, телятники и овчарни. А потом взялись выращивать молодняк: одно звено стало ухаживать за телятами, другое — за жеребятами и т. д.

Так не на словах, а на деле ты, пионер, обязан помогать своей стране. Возьми на

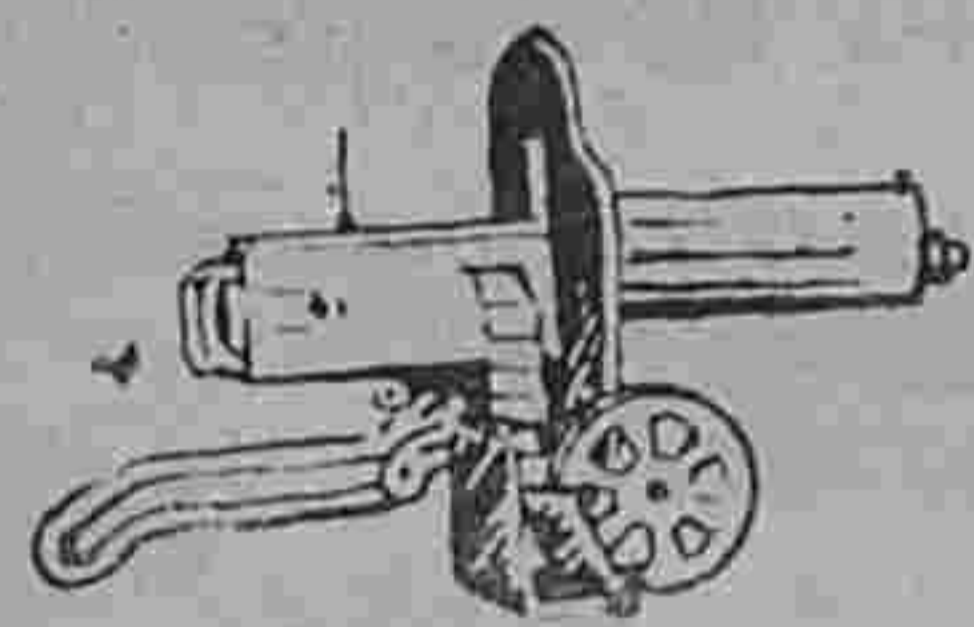
себя обязательство: посадить одно дерево или вырастить кролика, овцу, или овладеть столярным ремеслом и т. п.

Ярославские школьники в своем Дворце пионеров устроили мастерскую, где изготовляют крепления для лыж. А в Ленинградской 239-й школе организована ремонтная мастерская лыж. Это не сложная работа, а какую пользу принесет она лыжникам Красной Армии.

Разве не приятно послать бойцу на фронт подарок, сделанный собственными руками? Разве не радостно сознавать: я своей работой помогаю Красной Армии в ее героической борьбе!

Разве сознание, что ты своим трудом помогаешь фронту, советскому народу, родине не будет для тебя лучшей наградой?

Пионер — будущий боец

Сильные, ловкие, стройные, подтянутые идут пионеры строем под дробь барабанов. Идут по-военному, четко отбивая шаг, как бойцы Красной Армии. Ведь пионеры — будущие бойцы. Придет время и вы станете в ряды защитников родины. Вы будете совершать подвиги, если будете храбры, стойки, выносливы, мужественны. А этого нужно добиваться уже теперь. Добиваться упорно, изо дня в день. Закалять себя, приучать к тяготам походной боевой жизни.

Делай зарядку по утрам. Обтирайся холодной водой, учись плавать, бегать на лыжах, прыгать и быстро, подолгу ходить. И тогда ты придешь в Красную Армию умелым закаленным бойцом.

Ты, пионер, отвечаешь: „Всегда готов!“ Это значит ты всегда готов выполнить приказ начальника, распоряжение старших. Это значит — ты всегда и везде являешь пример дисциплинированности.

Учись ходить строем так, как ходят бойцы. И постарайся чтобы твой отряд, твоя дружина заслужили похвалу командиров и бойцов.

Устраивайте походы. Каждый пионер — юный разведчик. Учись находить дорогу, определять расстояние, маскироваться, разбираться в следах.

Чей отряд, чья дружина лучше всего овладели военно-физической подготовкой? Это покажет парад пионерских организаций. Весной и осенью вы, пионеры, в своих звеньях, отрядах, дружинах выйдете на парад. Флажки и знамена будут развеиваться над вами и все вы строем пройдете мимо трибуны. Лучшие люди, самые заслуженные, самые уважаемые, самые прославленные люди будут приветствовать вас. А вы, пионеры, будущие бойцы — защитники родины, покажете свою военную выучку, свою готовность притти в Красную Армию.

Пионер — отличник учебы

Без знаний — нельзя воевать. Без знаний — нельзя работать.

Мы победим, разобьем фашистов. Настанет день и в нашей стране не останется ни одного гитлеровца. И тогда дружно и сплоченно мы примемся восстанавливать все, что разрушено, разграблено, растоптано и сожжено этими бандитами.

Стране понадобятся тысячи инженеров, строителей, техников, архитекторов, агрономов, врачей и других квалифицированных специалистов. И вам, пионерам, нашей смены, будущим хозяевам страны своей, следует уже сейчас готовить себя к этой почетной задаче. Учитесь как можно лучше уже теперь, чтобы потом лучше строить, быстрее восстанавливать разрушенное.

Пионер, ты — первый помощник учителя. Ты — отличник учебы. Ты должен служить примером того, как должно усваивать пройденное. И ты, и твое звено, и твой отряд, и твоя дружина должны призывать всех ребят хорошо учиться — упорно и добросовестно.

Это не значит, что на сборах надо проводить классные занятия. Но тем, кого интересует физика, химия, биология, механика, фотография и прочее, — штаб дружины поможет устроить кружки.

В ташкентском Дворце пионеров, например, создан фотокружок. Здесь обучают ребят работе лаборантов. А знание фотографии необходимо везде и всегда: на войне и в мирное время.

К пионерам, которые любят науку, занимаются ею, которые разбираются в избранной ими отрасли, всегда с радостью придут специалисты и расскажут о новых достижениях в этой области, о вопросах, которые следует разрешать, о своей работе.

Книга — твой друг

Ты, пионер, должен многое знать. А человеческое знание заключено в книгах. Книжки расскажут тебе о законах вселенной, о далеких предках человека, о сокровенных тайнах земли, о прошлом твоей страны и ее лучших людях, о чужеземных странах, о борьбе за знание.

Книга — лучший друг пионера. И как бы ты ни был занят, пионер, ты должен найти время для чтения. Учитель, библиотекарь укажут тебе интересную, полезную книжку и она ответит тебе на все „почему“ и „отчего“.

Понравилась тебе книжка — обсуди ее вместе с товарищами, устрой литературный вечер. Пусть каждый расскажет почему именно эта книга и именно этот герой увлекают его. А ведь такие беседы может провести каждое звено, каждый отряд.

Достойных — в комсомол

Твое звено, твой отряд, твоя дружина внимательно относятся к каждому пионеру. Если ты отличился, если ты деятельно помогал старшим, Красной Армии, родине, если ты проявил себя чутким, отзывчивым товарищем, истинным патриотом, если твоя организация гордится тобой, то по решению штаба или вожатого тебе вынесут благодарность перед строем отряда или дружины.

Если ты сделал очень хорошее дело, тебя сфотографируют перед развернутым знаменем дружины.

Эта фотография будет на всю жизнь живым доказательством того, что ты вел себя как истинный патриот, как настоящий гражданин страны своей, что ты предан делу Ленина—Сталина, что ты понял свой священный долг перед родиной.

Но может случиться и другое. Бывает, что пионер совершает поступок, порочащий его звание юного ленинца, его отряд. А для таких есть меры взыскания: ему объявят

выговор перед строем отряда или даже дружины. И если радостно ощущать себя настоящим ленинцем, настоящим пионером—слушая слова благодарности, то как горько и стыдно слушать слова справедливого порицания. Стыдно перед всеми товарищами, перед всеми пионерами и перед самим собой.

Помни об этом, отдавай себе отчет во всех своих поступках и тогда ты, пионер, никогда не заслужишь порицания своих товарищей.

Ты, пионер, должен быть гордостью своей семьи, своей школы, своего отряда. И тогда, когда ты подрастешь — тебя, стойкого, дисциплинированного, мужественного, смелого, закаленного, преданного родине, преданного делу Ленина — Сталина, — твоя пионерская организация будет рекомендовать в Ленинский комсомол.

Ведь долг каждой пионерской дружины — готовить достойное пополнение рядов Ленинского комсомола.

Пионер! Родина и фронт зовут тебя к боевой напряженной работе. Не медля, принимайся за дело.

К борьбе за дело Ленина—Сталина будь готов!

СЛОВА

рассказывают

— Что такое авангард? Очень часто говорят: „Он идет в авангарде“, „выделить авангард“, „это — боец авангарда“. Что же значит это слово и откуда оно произошло?

Авангард — старое французское слово; оно произошло несколько сот лет назад.

Состоит оно из двух слов: „аван“, что значит вперед и „гард“ — гвардия, охрана. Оно означает — передовая охрана.

Когда войско выстраивалось в походную колонну, тогда выделяли передовую охрану. Это была необходимая предосторожность — иногда построенные в колонну войска растягивались на расстояние в 25 километров. А такой строй легко уязвим: если враг проберется незамеченным, он ударит по шеренгам, разобьет колонну на отряды, окружит их и уничтожит.

И для того, чтобы избежать этой опасности, лучших опытных бойцов стали выделять в авангард. Их дело — обнаружить врага, разгадать его хитрость, и в случае нападения отразить первый удар, и тем самым дать возможность основным силам подготовиться для боя.

И в русских войсках были такие передовые отряды. Уже в IX—X веках упоминаются сторожевые отряды. В эти „сторожевые полки“ Иван Грозный включал не только вооруженных бойцов, но и „домыслов“ — специалистов по постройке дорог, мостов. Они готовили дорогу для остального войска. Вот эти-то отряды позже, в XVIII веке, стали называть авангардом.

Теперь это слово употребляют не только в прямом смысле, но и в переносном: авангард — это все лучшее, отборное, передовое.

Иногда пренебрежительно говорят: получить „на шарамышку“ — это значит раздобыть что-либо даром, бесплатно. А между тем, происхождение этого выражения говорит о том, как гуманны и дисциплинированы русские солдаты, о том, как они чело­вечно относились к мирному населению побежденных стран.

Когда русские в 1814 году вступили во Францию их колонны шли нескончаемым потоком. Солдаты, запыленные, шагали весело и бодро в полном порядке. Иногда только они покидали строй, чтобы напиться воды. И население от мала до велика приветливо встречало своих победителей. Женщины ставили ведра с водой у порогов своих жилищ, ребятишки с любопытством разглядывали этих незнакомых пришельцев.

Также относились и парижане к русским. Их уважали за храбрость, выдержку, вежливость и скромность. Никому в голову не приходило драться с русским на дуэли. Зато у пруссаков и австрийцев постоянно возникали ссоры, драки, скандалы с французами. Немцы держались заносчиво, были грубы и часто обижали мирное население.

Если в магазин приходил немец, ему ничего не продавали и не показывали. А русскому выкладывали на прилавок все, что его интересовало. Когда же покупатель вытаскивал кошелек, чтобы уплатить деньги, его обычно останавливали словами: „Rien, cher ami“. (Ничего, дорогой друг!)

Современем слова „шерами“ превратились в „шарамышку“, — то есть даром. Многие и теперь употребляют это выражение, не подозревая, что оно является свидетельством дружбы побежденных со своим победителем.

СЫН КОМСОМОЛА

Умом своим и сердцем русские люди поняли великую правду нашей борьбы против немецких орд. Сознание этой правды питает могучую нравственную силу наших бойцов, ведет их на прекрасные подвиги.

Когда вражеский бронепоезд начал обстреливать батарею, часовым у погреба с боезапасом стоял молодой краснофлотец комсомолец Александр Скворцов. В воздухе стоял непрерывный свист летящих снарядов, десятки разрывов сливались в сплошной грохот. Тучи осколков разлетались во все стороны. Казалось само небо низвергает страшный металлический дождь. Но балтийский артиллерист Скворцов непоколебимо стоял на своем посту. Он знал как коварен подлый враг, и именно сейчас, в эти страшные минуты, он особенно бдительно нес вахту.

А озверевшие гитлеровцы неистовствовали: они обрушивали на батарею все новые и новые снаряды. Огненному смерчу, казалось, не будет конца. Сто снарядов... Сто пятьдесят... Двести... Двести семьдесят снарядов выпустили фашисты по батарее: Но как ни старались немцы разрушить ее, все их усилия оказались тщетными. Батарея оставалась невредимой. Чудо? Нет, конечно. Не чудо, а военное мастерство людей, прекрасно замаскировавших свои орудия. Не чудо, а отвага балтийцев, не дрогнувших под сотнями снарядов.

И только последний — двухсот семидесятый угодил прямо в погреб. А этот погреб и охранял молодой краснофлотец. Ни секунды не задумываясь, отважный моряк бросился в горящий погреб. Смелость этого поступка была беспредельна. Ведь в погребе хранились снаряды. Достаточно было одной искры, чтобы весь погреб взлетел на воздух, а вместе с ним и отважный моряк. Но Скворцов был молод, силен и смел. Он и не думал об опасности. Он яростно принялся разбрасывать снаряды. Но не долго пришлось ему работать. Сильный взрыв отбросил его в сторону. Очнувшись Скворцов на руках у товарищей и первым его вопросом было: „Кто охраняет мой пост?“

Что же дает силы молодым рядовым бойцам совершать подвиги? На это отвечает сам Скворцов в своем письме к командиру:

„Я — сын комсомола. Он воспитал меня. Клянусь Вам, не дрогну в любом бою с фашизмом. Лучше умру, чем опозорю трусостью свою бескозырку — гордость, славу и доблесть родного флота“.

ПОРТРЕТ

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

В землянке минометчиков,
Над маленьким столом
Висит в вишневой рамочке
На стенке под стеклом —
Глазастая, вихрастая,
Пяти — не больше, лет, —
Курносенькая девочка —
Любительский портрет...

В землянке минометчиков
Увидел я бойца.
Сказал ему, что девочка
Похожа на отца.
Кивнул он утвердительно,
Усмешку затая,
— Совсем не удивительно...
Но дочка — не моя...

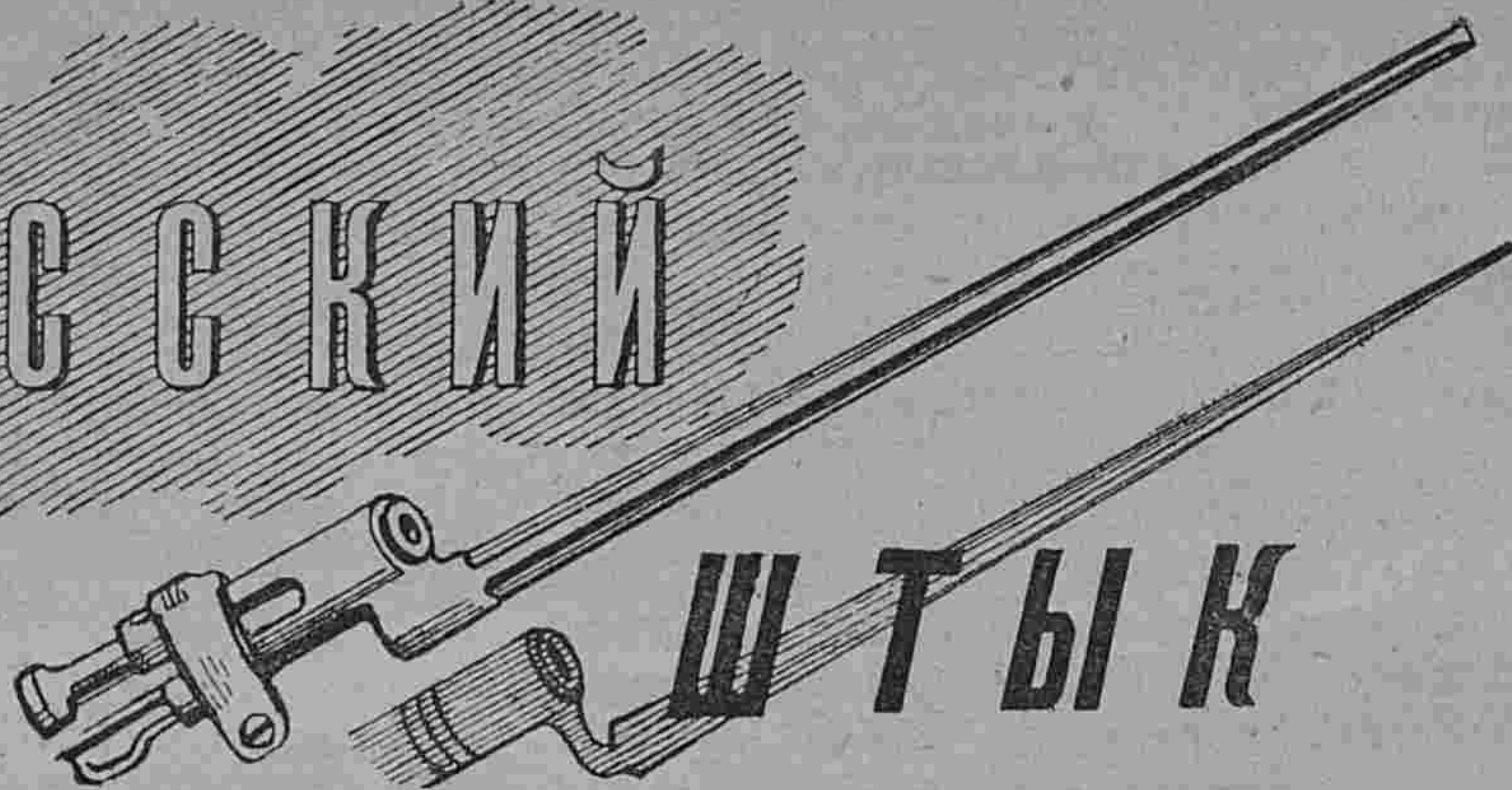
Я всматриваюсь приетально,
Чтоб не попасть впросак...
Вихрастая, глазастая...
Какой же я чудак!
Ну, ясно — командирская!
Ну, вылитый портрет!..
Но командир с улыбкою
Мне отвечает — нет!

Во век не догадаетесь
Кто был ее отцом:
Валялась эта карточка
Под взорванным крыльцом...
— Взглянули мы, расстроились,
Взгрустнули, не шутя,
Увидели на карточке
Советское дитя!..

С тех пор у минометчиков,
Над маленьким столом
Висит в вишневой рамочке
На стенке под стеклом —
Глазастая, вихрастая,
Пяти — не больше, лет,
Курносенькая девочка —
Любительский портрет...

Куда бы мы ни двинулись,
Какой бы ни был бой, —
Повсюду эту карточку
Мы возим за собой.
Пусть наши мины грозные
Летят к врагу, свистя,
И мстят за безымянное
Советское дитя!

РУССКИЙ

Полковник М. ЛЮШКОВСКИЙ

В русской армии штык появился во времена Петра Первого.

С тех пор штык сделался любимым оружием русских солдат. Атакуя врага, русские обычно давали залп из ружей и затем, не медля, бросались в штыки. Искусство владеть штыком часто приносило русским победу.

Так было, например, в Северную войну, когда в 1709 году, под Полтавой, решался исход кампании. Неодолимой лавиной устремилась русская армия на шведов. На шведскую армию двигалась стеною

„... нить полков блестящих, стройных, послушных, быстрых и спокойных и ряд незыблемых штыков“.

Навстречу русской пехоте Карл XII двинул свою гвардию. Завязался горячий бой. Отчаянно дрались русские! Уверенно и быстро управлялись они штыками. Но враги были многочисленны. И вот Петр поспешил на выручку своих храбрецов.

Взяв ружья на руку, с барабанным боем и криком „ура!“ на шведов ударили в штыки свежие силы. Вражеские войска дрогнули. А позже Петр записал: „... непобедимые господа шведы скоро хребет показали... шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами, багинетами и пиками колото, и даже до обретающегося вблизи лесу гнаны и биты“.

С тех пор в Европе упрочилась слава русского штыка.

И все же грозная сила русских штыков не утратила прусского короля Фридриха II.

Под Куннерсдорфом, в 1759 году отборные немецкие солдаты, великолепно выдрессированные, под звуки флейт двинулись мерным шагом на русских. Фридрих II применил здесь свой любимый маневр: пруссаки шли на русских с фланга. Сколько раз этот маневр приводил пруссаков к победам.

Но на этот раз было не так. Пруссаки встретились с русскими. А русские не боялись излюбленных маневров врага.

Русские солдаты дали по немецким наемникам меткий залповый огонь. Пруссаки шли вперед, линия за линией. Тогда многие русские взводы притворились мертвыми и даже притворно валились на землю. По ним, гусиным шагом, маршировали прусские гренадеры. Победа, казалось пруссакам, была совсем уже близко. Но вот генерал Румянцев бросил свою дивизию в штыки на врага. Немцы заколебались. А в это время с тыла на пруссаков бросились со штыками ожившие, мнимые мертвецы. Быстрота и неожиданность привели врага в смятение и он побежал...

А русские пехотинцы, работая штыками, не давали опомниться неприятельским солдатам. Без усталости кололи русских пруссаков, уничтожая их сотнями.

С этого времени и Фридрих II стал избегать вступать с русскими в бой, а прусские солдаты боялись русских штыков пожалуй больше, чем огня.

Стоило русским в последующих сражениях ударить в штыки, как немцы бежали без оглядки или сдавались в плен.

Знаменитый русский полководец Суворов очень высоко ценил мужество и храбрость русских солдат и знал какую неотразимую силу для врага представляет русский штыковой удар.

В своей „Науке побеждать“ великий русский полководец всюду указывает, как важно правильно сочетать огонь с ударом штыка: „Стреляй редко да метко! Штыком коли крепко!.. Трое наскочат — одного заколи, другого — застрели, третьему — штыком карачун!... Много наскочат — отскочи шаг, ударь одного, коли другого, стреляй третьего, притисни четвертого, последние — твои“.

Как прекрасно усвоили суворовские ученики эту науку своего полководца!

Один старый испытанный суворовский солдат вспоминал, как в итальянскую кампанию 1779 года отряду на реке Адда удалось сломить врага:

„... сделали сильно большой переход, рассказывал старый солдат, верст до восемнадцати. Шли день и ночь. А на заре захватили неприятеля почти врасплох, он помещался в лагерях за речкой. Едва мы перешли ее вброд, как с криком „ура!“ прямо ударили в штыки и такой страх нагнали на французов, что они, побросав биваки и багажи, метались во все стороны, как угорелые“.

„Смерть бежит от сабли и штыка храброго, счастье венчает смелость и отвагу“, говорил Суворов.

„Русский штык прорвался сквозь Альпы“, так сказал Энгельс о легендарном альпийском походе русских. И верно, русский штык навсегда врезал на утесах величайших гор Европы славу русского солдата, не знавшего для себя преград.

Когда в 1805 году французы бились с русскими, шедшими на выручку австрийским войскам, под Амштетеном исход жаркой битвы снова решили русские штыки. Отборные французские солдаты — гренадеры ударили на русских. Рукопашная битва длилась полчаса. Но какая это была жаркая схватка! У русских гнулись, ломались штыки, так сильны были их удары. Замертво падали те враги, кто получил удар штыком. Случалось, и очень

ЗАГАДКИ

движущегося

танка

часто, что оружие не выдерживало — ломалось. Тогда русские воины вырывали ружья у французов и били неприятеля их же оружием. Нет, не смогли французы выдержать этих штыковых ударов и отступили. Велика была сила русского штыка — в этом убедились теперь и французы. И они, подобно немцам, стали бояться русских штыков.

Суворов обучал своих солдат „бить смертельно вперед“, наносить удар штыком в грудь или живот, как говорится, наповал, — вот поэтому штык в руках русских стал таким грозным оружием.

Суворовская выучка и вместе с нею искусство владеть штыком сохранились в русском народе. Не умирала и слава русского штыка. Поэтому капитан Мосин, творец нашей винтовки, сохранил русский граненый штык.

С этим штыком пошел русский народ на войну в 1914 году. Меткий огонь и штык нашей трехлинейки помогали друг другу.

В первых же боях империалистической войны это хорошо почувствовали немцы.

28 августа лихим штыковым ударом частей русского корпуса у м. Ваплици была уничтожена целая германская дивизия. 1000 солдат и 18 офицеров, оставшихся в живых, спасли свою жизнь, бросив винтовки и подняв руки вверх. Их взяли в плен. Паника распространилась в тылу у германцев. Генерал Гинденбург хотел сам пробраться к войскам, чтобы навести порядок в частях, но это ему не удалось. Навстречу скакали транспорты, санитарные повозки. Повозочные в ужасе кричали: „Русские идут!“

В августе 1915 года немцы осаждали крепость Осовец. Это была жестокая осада: ураганную артиллерийскую подготовку сменила газовая атака, а потом немцы пошли в наступление. Враги решили, что сопротивление русских сломлено. Но это было не так. Рота одного пехотного полка, полузадушенная газами, еще могла сопротивляться. С хриплым, но грозным „ура!“ бросились русские солдаты в контратаку и ударили в штыки. „Атака мертвецов“, так называли потом немцы этот героический удар, она привела их в такой ужас, что целый полк бросился назад. А русские гнались за немцами до тех пор, пока не прижали их к колючей проволоке. Так погибло множество германцев.

Русский штык — огромная, неотразимая сила. Бесчисленное количество примеров этого знает военная история. И это хорошо испытали на себе наши враги.

Теперь разразилась новая война, Великая отечественная война, война советского народа с немецкими захватчиками. Это жестокая война. В этой войне участвуют танки, огромные совершенные машины, несущие огонь и смерть; участвует множество самолетов, способных с воздуха разрушить и укрепления и технику и неприятельские войска. Эта война немыслима без дальнобойных пушек, радио, совершенного огнестрельного автоматического оружия.

И все же не следует думать, что можно пренебрегать искусством штыкового боя. В подбитом танке, в разрушенном доте, у сбитого самолета — везде люди сталкиваются в горячих рукопашных схватках. Могут иссякнуть снаряды, патроны и самое совершенное огнестрельное оружие станет беспомощным. И тогда побеждает тот, кто владеет штыком, тем русским штыком, о котором Суворов говорил „штык-молодец“.

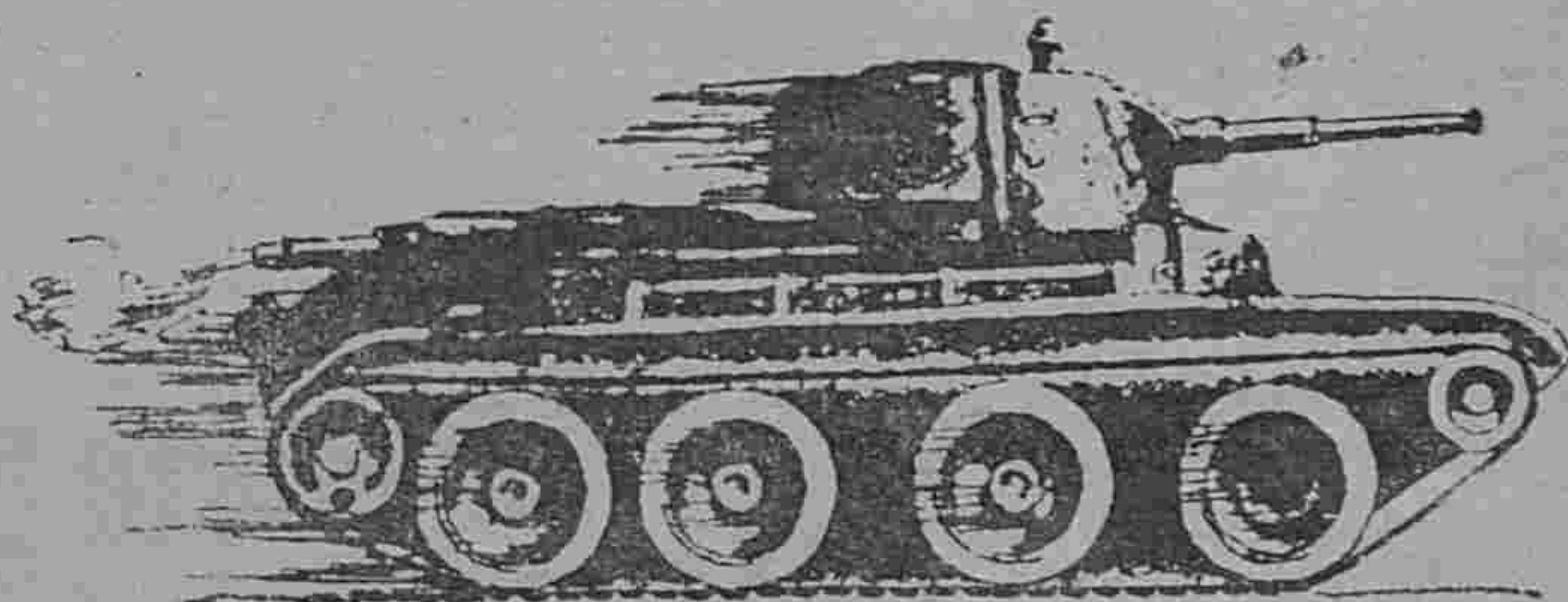
Вот почему надо и сейчас уметь в совершенстве, по русски, так, как учил этому Суворов, владеть штыком. В умелых руках штык всегда принесет победу над врагом.

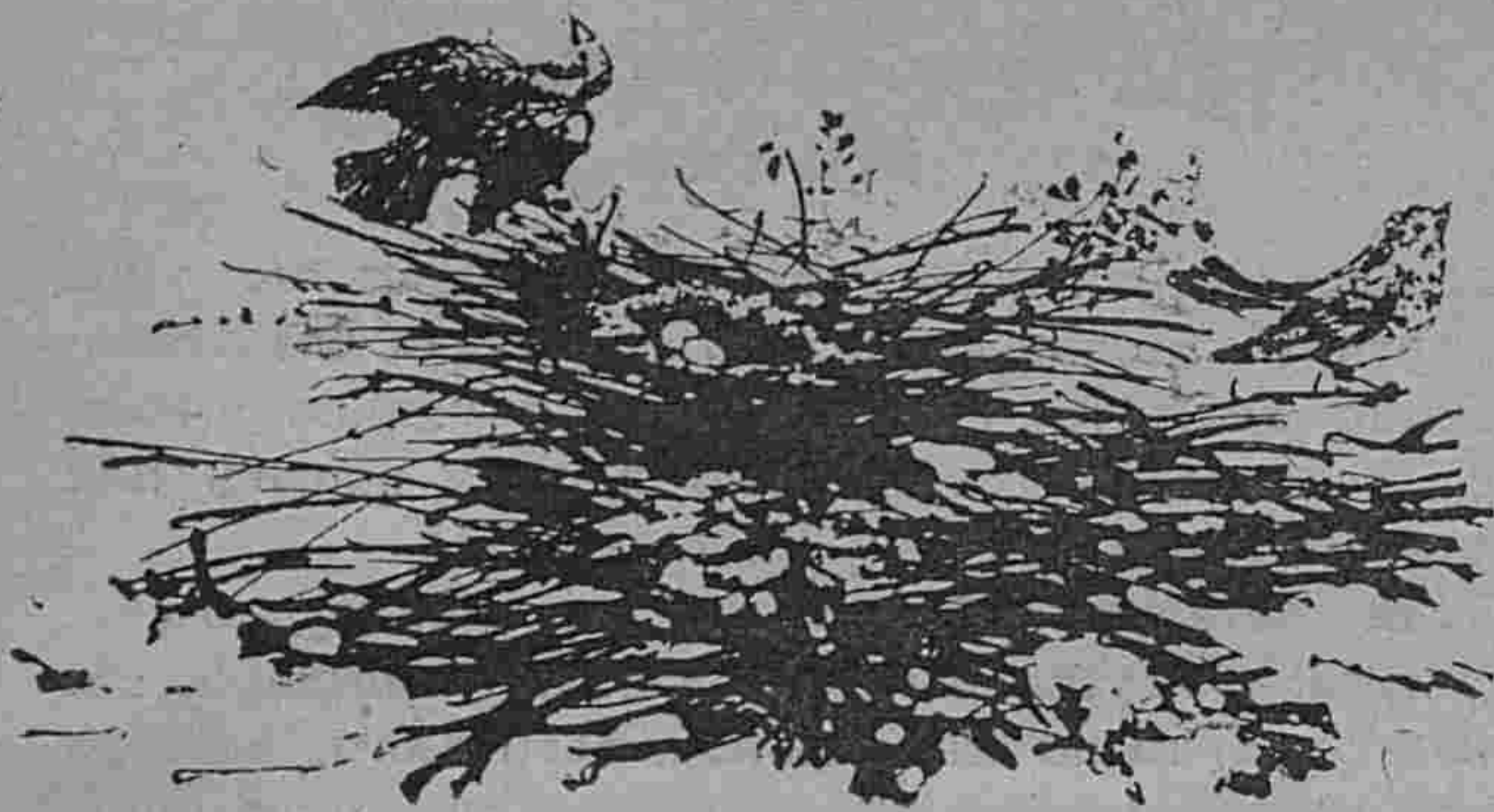
Глядя на мчащийся танк, мы видим странную картину: гусеницы под колесами танка безостановочно движутся назад, и все же машина вместе с гусеницами стремительно несется вперед. Как это объяснить?

Внимательно наблюдая ход танка, не трудно убедиться, что гусеницы под колесами танка движутся назад только по отношению к осям колес, а не по отношению к земле. Впечатление будто гусеницы под колесами имеют обратное движение по земле — обманчиво. Те части гусениц, на которые в этот момент опираются колеса, вовсе не движутся по земле, а лежат неподвижно. Лишь после того, как колеса прокатятся через эти участки гусениц, они поднимаются позади колес, огибают их, и, передвинувшись поверх них, ложатся впереди.

Но возникает новое недоумение: возможно ли, чтобы гусеница, охватывающая колеса подобно бесконечному ремню, двигалась в одних частях и не двигалась — в других? Разве не должны все части бесконечного ремня двигаться с одинаковой скоростью? Ведь иначе ремень разорвется! Конечно, ремень во всех своих точках движется одинаково быстро по отношению к осям колес. Гусеницы также перемещаются с одинаковой скоростью во всех своих частях, если относить это движение к осям колес. Но по отношению к земле получается иное: поверх колес участок гусениц движется в ту же сторону, что и весь танк; поэтому оба движения здесь складываются; внизу же под колесами, участки гусеницы движутся (по отношению к колесам) обратно движению танка, и оттого одна скорость отнимается от другой. В результате по отношению к земле скорости различных точек гусеницы оказываются различными.

Те места гусеницы, на которые опираются колеса, имеют в этот момент одновременно два движения: танк уносит их вперед, а колеса увлекают их с равной скоростью обратно. Две равных скорости, направленные в противоположные стороны, дают в итоге неподвижность этих участков гусениц.

ДРОЗДЫ

Л. ХАНЗЫРЕЕВ

рис. С. Мочалова

Лежал я весной в одном месте на самой опушке леса и наблюдал. Было известно, что в эти ореховые, черемуховые и можжевельниковые густые кусты заходят немецкие наблюдатели: отсюда они могли просматривать часть наших позиций и даже ближний тыл.

Так это дело оставлять не годилось.

Но — день, другой, третий я лежу на своем месте, а долежаться ни до чего не могу. Не вижу ничего интересного.

Правда, местность перед собою я изучил на отлично. Спросите меня хоть сейчас: сколько, например, там камней лежало? Скажу без запинки: семь! И все их могу перечислить по одиночке. Около первого растет куст шиповника. Потом — три подряд на открытом месте, на старых бороздах. Потом белый, плоский, издали похожий на лошадиную челюсть, метрах в сорока справа. И еще два маленьких, острых: эти торчат из осоки у ручья. Не удивляйтесь: я их знать обязан. А вдруг фрицам пришло бы в голову добавить к ним еще один, устроить за ним снайперский окопчик?

Или задайте мне другой вопрос: что, скажем, примечательного видно в тех вот кустах, если их разглядывать слева направо и сверху вниз, по горе? Сейчас, пожалуйста!

Левее всего стоит невысокая согнутая березка. Это деревцо — моя граница. За ней влево — не мой участок, там снайпер — девушка из соседнего батальона действует. Вправо же тянется большой ореховый куст. Он немного сквозит, сквозь него небо виднеется. И есть у меня некоторые основания подозревать за этим кустом пешеходную укрытую тропинку. Значит, я за ним слежу.

Пониже куста — канава. В канаве два бревна крест-накрест. Затем — дорога, самый заворот, и грязь на нем. Лужа в правой ко-

лее, не просыхающая долго после дождя. Над ней — много ромашек. По дороге с весны никто не ходил, и на ней видна воронка от нашего трехдюймового снаряда.

Потом — опять канава, сырая, с незабудками, и в ней такая трава-густыш, что за нею у меня неотрывное наблюдение, особенно после полдня, когда солнце от нее уходит: по этой траве из-за заворота очень легко подползти, если сырости не бояться.

Дальше — луговинка с тем камнем, у которого куст шиповника, а за ней чувствуется (да и карта это подтверждает, я, понятно, проверял!) неглубокий овражек. На краю оврага, невидного мне, большой можжевельниковый куст в виде канделябра, и около него куча хвороста в рост человека. И тут-то вот и начинается моя история.

В этой груде, нужно заметить, я, с первого дня, как сюда пришел, заметил любопытную вещь: дроздиное гнездо.

Ну, какие бывают эти гнезда — всякий знает. Они большие, глубокие, с хорошую полоскательную чашку. Виты они всегда толсто, основательно, из сена, а внутри добросовестно выштукатурены глиной. Птичкино гнездышко, а весом кило два, не менее.

Гнездо это я не просто заметил. Я видел как дрозды его вили весной. Птицы, понятно, не приняли в расчет мою снайперскую оптику, через которую я их как на ладошке вижу и посвятили меня во все тонкости своего строительного искусства. Теперь я бесспорно мог бы написать целую солидную книгу: „Руководство по витью великолепных дроздиных гнезд с последующей обмазкой глиной“. Всё знаю, — как у них делается.

Ну что же? Свили мы с моими дроздами понемногу это гнездо, потом сели птенцов высиживать. Дроздиха сидит, а мы с дроздом за червями летаем. То есть, к сожалению, летает-то, конечно, дрозд, а я только слежу за ним. Но зато слежу тщательно, с душой. Как только с утра являюсь на „точку“, так посмотрю туда-сюда... А что мои дрозды? Все в порядке: сидим, перышки на ветке начищаем...

Ну, откровенно говоря, я им немного мешал: однажды застучал немца в той канавке с незабудками, второй раз — за прозрачным кустом... Но все это было от дроздов поодаль. И когда по мне немцы в свою очередь пристреливались, дроздикам это, видимо, было более или менее безразлично: близко к гнезду немцы не располагались.

Но вот как-то прихожу я на свой пост, расположился (а в это время у нас как раз уже два дня, как птенцы вывелись... Хлопот сколько)!. Где же мои дрозды?

Что такое? Нет дроздов около хвороста! Куда же они запропастились? Уж не разорено ли гнездо?

Знакомлюсь с обстановкой... Нет, гнездо — на месте, солидный такой шар висит, его ни с чем не спутаешь. И даже представляется мне (хотя расстояние то великовато!), что вижу я как молодые люди — это дрозденята-то, из него носы высывают, есть просят. А есть им не дают. Что это значит?

Вожу своей оптикой вправо и влево, и вдруг нахожу обоих дроздов. И папу и маму. Сидят на ветке отдельно стоящей черемухи и проявляют исключительное беспокойство. Особенно — мамаша. Смотрит, смотрит на свое гнездо тревожным взором, потом вдруг сорвется с места, подлетит к хворостной гряде, затрепещет и — обратно на черемуху... Что такое? Как это объяснить? Или там у них в хворост какой-нибудь зверь забрался, или...

„Эге!“ подумал я тогда. „Зверь! Какой там может быть зверь? Кошка, ласка, хорек? Так они все давным-давно учуяли бы птенцов, взобрались бы на хворост, разорили гнездо, — и дело с концом. Вот если — змея? Змея — тварь неторопливая, медленная... Но сколько же она может до гнезда ползти? Полчаса? Час?“

Есть, следить за кустом, находящимся прямо по носу в течение часа. Слежу. Не упускаю, само-собой, и в другие места взоры бросать, но больше поглядываю на куст. И все совещаюсь с дроздами. Вижу, как они там негодуют, хлопчут, трещат... И по их поведению замечаю, что „то“, что спряталось в хворост, порою лежит тихо, порою же начинает шевелиться, беспокоиться... А солнце в это время по небу двигается. И в хворосте, сквозь путаницу ве-

точек, в зависимости от его хода, перемещаются золотистые такие зайчики. Ползут, ползут... И вдруг один из них вырывает из тьмы передо мной небольшую, но выразительную картинку. Довольно жуткую, сказал бы я, картинку, на взгляд того, кто натолкнется бы на нее так внезапно.

Вижу несколько тоненьких ветвей, висячие клочки белого лишайника, порывевшую сухую хвою на сучке. А под хвоей, между этих ветвей, глядит в мою сторону один единственный человеческий глаз. Пристальный такой, озабоченный и злой глаз. Такой, который дорого заплатил бы, чтобы дрозды над ним не летали, чтобы я никогда не увидел его.

В моей трубке имеются волоски, крест на крест. Они всё видимое пространство делят на четыре четвертушки.

Так вот, — глаз этот обнаруживается в нижней левой четверти. А я сейчас же мысленно пририсовываю к нему бровь, козырь каски, второй глаз, нос... Я вспоминаю — не жарко ли сегодня? Нет, не очень! А ветер какой? Ветер слабый, слева! Ага! Значит пуля должна лететь...

И тогда я по этому единственному зловещему глазу начинаю наводить свой волосковый крестик на то место, где во мраке должна быть его губа. Его усы, если такие у него имеются... Потом плавно, спокойно, без толчков и усилий, я нажимаю на давно уже нагретый моим пальцем спусковой крючок... Короткий толчок в плечо. Короткий звук. Дроздики мои взлетают в испуге и опять садятся. А в трубе теперь уже ничего не видать. Я внимательно разглядываю хворост. Хворост неподвижен. Там — словно бы ничего не произошло. А, может статься, там и впрямь ничего не случилось? Может быть „он“ просто отодвинулся в сторону, затаился?

Тогда я снова обращаю внимание на своих дроздов. Дрозды! Будьте моим перископом, моими разведчиками!

И вот дрозды начинают постепенно смелеть. Метр за метром они пересаживаются, перепархивают все ближе и ближе к хворосту: дроздиха впереди, более осторожный дрозд — сзади. Вот она закачалась на колючей ветке чертополоха, вот перебралась на можжевельниковый сучок у самого гнезда... Вот... Она решительно садится на край гнезда и уже сует детям большую гусеницу, которую все время держала в клюве. Потом она стремительно взлетает...

Но мне это уже безразлично. Я теперь знаю сам, что там лежит под хворостом. Там лежит бывший немец. Ныне — труп.

СЕРЕБРО ИЗ ГЛИНЫ

Г. БАБАТ

рис. Н. Петровой

Алюминий — замечательный металл. Он не ржавеет, он легок — в три раза легче меди, он всегда чист и красив.

Разные сплавы алюминия обладают чудесными свойствами: прочностью, стойкостью и легкостью. Поэтому из него делают моторы для самолетов и танков, зажигательные бомбы, провода и многое другое.

Еще недавно алюминий называли „металлом будущего“, хотя он был открыт более ста лет тому назад. Долгое время он был дорог и недоступен. В этом очерке рассказывается о том, как алюминий из „металла будущего“ стал металлом настоящего, как молодому американскому ученому удалось сделать алюминий дешевым и доступным.

1885 год. Глухой провинциальный американский городок в штате Огайо. Двадцатилетний ученик колледжа Мартин Холл мечтает над книгой Девиля об алюминии. Как Сент-Клер Девиль воспел алюминий! Мартин счастливо улыбается и отрывается от книги.

Он должен добыть сам хотя бы крупицу алюминия.

Как много ученых, например, Эрштедт и Велер, еще задолго до Сент-Клер Девиля стремились получить этот легкий благородный металл. И как мало еще им удалось достигнуть! Алюминий ценится наравне с серебром!

Холл взял глину, смешал ее с угольным порошком и положил в горн. Правда, он не дочитал до конца книгу Девиля, а в ней было сказано, что восстановить алюминий, углем нельзя.

Первая неудача его не огорчила. Он внимательно перечитал книгу Девиля и начал производить самые невероятные опыты. Если бы о них знал профессор Джевет, он бы поставил Холлу двойку по химии. Мартин пытался добыть хлористый алюминий, нагревая хлористый кальций и хлористый

магний с глиной. Потом он искал катализатор — вещество, в присутствии которого алюминий восстанавливался бы углем из глинозема. Нагревал смесь глинозема со всеми веществами, которые он находил в городской аптеке.

Алюминий был где-то совсем близко. Холл научился переводить его из одного соединения в другое. Но получить чистый металл ему не удавалось.

Прошел год. Холл увлекался теперь механикой и, казалось, совсем забыл о белом металле. Он успешно сдавал выпускные экзамены, когда узнал, что немецкий физик Бунзен получил алюминий электрическим путем. И Холл снова подпал под власть белого металла.

В феврале 1886 года он начал новые опыты, пытаясь разложить соли алюминия электрическим током. Но чистая окись алюминия, глинозем, плавилась при необычайно высокой температуре — выше двух тысяч градусов. Надо было найти какую-нибудь легкоплавкую соль, в которой бы растворялся глинозем, и потом разлагать раствор током. Холл испробовал не мало солей, но они не подходили. Наконец, он взял криолит—соль,

привозимую из Гренландии, которую эскимосы называли „льдом, который не тает летом“. И, о счастье! криолит плавился легко и так же легко в нем растворялся глинозем.

Холл расплавил криолит в глиняном тигельке, растворил в нем окись алюминия и погрузил в тигель угольные электроды от маленькой батареи. Два часа спустя он остудил тигель и растолок его содержимое. Ни малейших следов алюминия. Видимо, глиняный тигель не годился. Молодой ученый был очень настойчив, верил в успех и мелкие неудачи не могли его смутить. Он вылепил тигель из угля. Повторил опыт. Разбил тигель и нашел несколько крошечных белых шариков. Алюминий, настоящий алюминий!

Конечно, судить пригоден ли этот способ для промышленности еще нельзя. Но прежде всего надо заявить о своем изобретении, а потом разобраться, полезен этот способ или нет.

Холлу сперва отказали в выдаче патента: во Франции изобретатель Поль Луи Туссен Эру подал такую же заявку еще 23 апреля.

Но Холла спас его лабораторный дневник: в нем было записано, что 23 февраля он впервые получил крупинки алюминия. Американский патент был выдан все-таки Холлу, а не Эру.

Тогда Холл обратился в солидную фирму братьев Коульз. Они получали бронзу, содержащую немного меньше половины алюминия.

Президент компании сразу оценил предложение Холла и хотел приобрести его патент. Но остальные руководители считали, что их способ лучший, и не к чему бросать деньги зря.

Тогда Холл отправился в банк Мелона. Там ему ответили: надо внимательно изучить предложение.

Холл продолжал совершенствовать свой способ. Угольные аноды снашивались слишком быстро, Холл заменил их платиновыми. Эти аноды не окислялись и могли служить очень долго. Но платиновые аноды для небольшого завода стоили бы несколько миллионов долларов.

Тогда Холл испробовал медные аноды. Медь сразу же покрылась пленкой окислов и вела себя почти как платина. Но стоило температуре ванны чуть-чуть повыситься, и анод плавился, таял на глазах. Холл стал искать новые, более легкоплавкие соли для ванн. Но тщетно. Его первый способ оказался лучшим. Оставалось строить завод, но ответ из Мелон-Банка не приходил. И Мартин снова сгибался над своими крошечными тиглями и батареями.

В жаркий летний день 1888 года Холла известили, что руководители банка решили строить в Питсбурге завод для добычи алюминия. А осенью, наконец, завод был торжественно пущен.

Алюминий действительно получился. Но какой! Вместо проектных семидесяти грамм алюминия в час, получалось всего пять. Металл то рассыпался по всей ванне в виде мелкого тумана, то появлялась какая-то черная грязь в ваннах и они портились.

И все-таки Холл верил в свой способ. Неудачи, казалось ему, возникали оттого, что ванны слишком малы. Он построил новые ванны большего размера. Алюминия стало выделяться больше, но все же его было еще очень мало. И ванны к тому же служили угрожающе недолго.

Директора банка заволновались. Они созвали совещание. Холл явился прямо с завода, в синем рабочем комбинезоне. Его мальчишеское лицо покраснело.

Причина всех неудач — слишком маленькие ванны, — заявил он. Необходимо построить новые ванны, гораздо большие, и тогда он ручается за успех.

Но ему не верили. Уже два раза увеличивали размеры ванн, но это не оправдало себя. Алюминий был попрежнему дорог.

Холл терпеливо убеждал акционеров. Прения были бурные. Но недоверчивая настроенность собрания постепенно рассеялась. Деньги на продолжение опытов Холл все же получил.

Но теперь, когда все, казалось, поверили его доводам, Холл мучился, сомневался сам. Какие у него были доказательства? Одни догадки. Он хотел было вернуться и отказаться от дальнейших работ...

Он нерешительно постоял перед зданием банка и... пошел на завод. Он начал строить новые ванны, ванны-гиганты. Настал день — все было окончено. Холл волновался, но вот включили ток, и произошло подлинное чудо: ванны дали чистый алюминий. Выход металла оправдал расчеты.

Это была удача, необычайная удача. И может быть по своему единственная. Как часто реакции легко осуществить в пробирках и маленьких ретортах, но они совсем не получаются на заводе. Здесь же все было наоборот. Холл оказался блестящим пророком.

Завод теперь давал двадцать пять килограммов алюминия в день. Скоро на складах скопилось несколько тонн металла, — и тогда-то началось самое ужасное. Никто не хотел покупать эти прекрасные большие белые слитки даже по самой дешевой цене. Они никому не были нужны. Легче было

продать настоящего белого слона, чем один слиток алюминия.

Надо было либо закрыть завод, либо построить новый завод для обработки алюминия и торговать готовыми изделиями. Но что, если никто не станет покупать блестящих белых ложек и кастрюль?

И все же завод по обработке алюминия начали строить. Алюминий, прокатанный в листы, превращался в кухонную посуду, стиральные машины, пылесосы.

Алюминий не образует ядовитых соединений, алюминиевая посуда не ржавеет, она легка и красива и ее покупали нарасхват. Холл победил.

Спрос на серебристые слитки возрастал из года в год, и промышленники едва успевали удовлетворять его. Прошли годы. Алюминий шел теперь на мощные танковые и авиационные моторы, корпуса самолетов и быстроходных судов. Как много понадобилось алюминия в дни войны. Например, из его сплава с магнием стали делать зажигательные бомбы. Но это была уже заслуга не Холла.

На смену ему пришли новые ученые и инженеры, они продолжали разрабатывать и изучать новые сплавы, внедряя алюминий в новые отрасли промышленности,

Знаешь ли ты, что...

... Пуля из винтовки делает в полете около трех тысяч шестисот оборотов в секунду; винт самолета—семьдесят пять оборотов.

... Без парашюта человек падает в воздухе со скоростью до ста метров в секунду, а с раскрытым парашютом — до пяти метров.

... Пороховые газы в канале пушки давят на дно снаряда со средней силой около полутора тысяч килограмм на квадратный сантиметр; давление пара в котле паровой машины не более ста двадцати пяти килограммов на квадратный сантиметр.

... Снаряд весом в шестьсот килограммов, покидая орудие со скоростью тысячи метров в секунду, обладает таким же запасом энергии движения, как железнодорожный поезд весом в полторы тысячи тонн, мчащийся со скоростью семидесяти двух километров в час.

СОДЕРЖАНИЕ

Танюшка. Рассказ Л. Успенского. Рис. В. Конашевича	2	Русский штык. Очерк полковника М. Люшковского. Рис. Н. Полозова	18
Унтер-офицер Махотин. Рассказ В. Глинки. Рис. Г. Петрова	8	Загадки движущегося танка. Я. Перельман. Рис. С. Мочалова	19
Воин и его оружие	11	Дрозды. Рассказ Л. Ханзыреева. Рис. С. Мочалова	20
Письма из совхоза. Фото Л. Трахтенберга	12	Серебро из глины. Очерк Г. Бабата. Рис. Н. Петровой	22
Расскажите на пионерском сборе:		Знаешь ли ты, что?	24
Каким должен быть гиснер	14	Завет предков, 2-я страница обложки	
Слова рассказывают	16	Сестры из Ленинграда. 3-я страница обложки Рис. Н. Петровой	
Сын комсомола Н. Легошин	17	Заповеди юного пионера. 4-я страница обложки	
Портрет. Стих. В. Лифшица. Рис. Н. Петровой	17		

На обложке рисунок В. Бомаш: „В совхозе осенью“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. ПРОЛЕТКУЛЬТА, 2

Неприятные рукописи не возвращаются.

Отв. редактор А. ГОЛЬДИН.

№ 5886

Зам. отв. ред. Н. ТЕРЕБИНСКАЯ

Подписано к печати 21/II 1943 г. 3 печ. лист. В печ. лист. 25 000 тип. зн. Заказ № 815. М0709. Авт. л. 2,7. Тираж 7,000 экз. Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.

Сестры

из Ленинграда

Жили в блокированном городе две девочки — две сестры. Старшей было четырнадцать лет, а младшей не исполнилось еще и двенадцати.

Мама у них умерла, а папа сражался с фашистами.

Девочки жили дружно. Они учились и хозяйничали.

Так прошла весна, наступило лето. И вот старшая собралась было ехать на огородные работы со своей школой. А младшая училась в третьем классе и в лагерь ее не брали. А расставаться сестрам очень не хотелось.

Пошла старшая сестра к начальнику лагеря и все ей рассказала.

И, конечно, обеим сестрам разрешили ехать вместе. Обрадовались девочки — не надо им расставаться. И тут же порешили, что младшая тоже будет работать на огородах.

В лагере постели сестер стояли рядом, в одной палатке. Но работать пришлось им в разных бригадах.

Пошли они в первый раз на работу и досталось им свеклу полоть. Не легкая это работа: сорняки высокие, крепкие.

Встретились сестры вечером за ужином. Видит старшая, что младшая усталая, молчаливая. Поужинали, легли спать. Слышит старшая сестра: не спит ее сестренка, ворочается, вздыхает.

— Что с тобой? — спрашивает старшая.

— Домой хочу, — всхлипывает младшая. — Трудно мне.

— Что ты? Ведь это только с непривычки, — уговаривает ее старшая. — Разве я или кто-нибудь будет плакать и проситься домой? Вспомни, чему учил нас папа.

Перестала младшая жаловаться. И не жаловалась в следующие дни.

Прошло несколько дней. Приходит как-то раз младшая, веселая, радостная.

— Знаешь, — говорит она старшей сестре, — сегодня я выполнила норму взрослого!

А старшая, хоть и давно уже выполняла сама полторы нормы, порадовалась за сестренку. Ведь между ними разница в два с половиной года.

И стала старшая показывать младшей как надо работать.

Попробовала младшая, и верно, — дело на лад пошло. День ото дня она увеличивала норму выработки.

А с фронта от папы приходили письма.

— Как вы живете и работаете? — спрашивал девочек отец.

Их имена — на доске почета, о них пишут в боевом листке, их ставят в пример на общелагерной линейке, — отвечали сестры.

Однажды, в конце августа ребят выстроили на торжественном митинге. Играл оркестр. Ребят приветствовали бойцы Красной Армии, представители района и города. И потом за отличную работу в совхозе им было вручено переходящее Красное знамя.

Конечно, сестры с гордостью рассказали об этом в письме к отцу.

Наступил сентябрь, в школе начались учебные занятия. И младшая сестра уехала в город.

— Смотри, веди себя хорошенько в городе, — говорила старшая на прощанье сестре.

В один из свободных дней старшая отправилась в город. Сволнением приближалась она к дому. Что застанет она там?

И вот сестры встретились. Как обрадовалась младшая! И сразу стала серьезной: она ведь уже не маленькая.

Вошла старшая сестра в комнату и остановилась: пол был так чисто вымыт, что страшно его запачкать. Везде образцовый порядок.

Молодец сестренка!

А младшая уже старшей дневник подает: распишись, говорит. А сама лукаво на сестру поглядывает. В дневнике по всем предметам стоят отличные отметки.

Посмотрела старшая на дневник, потом взглянула сестре в глаза, ласково поцеловала ее в лоб.

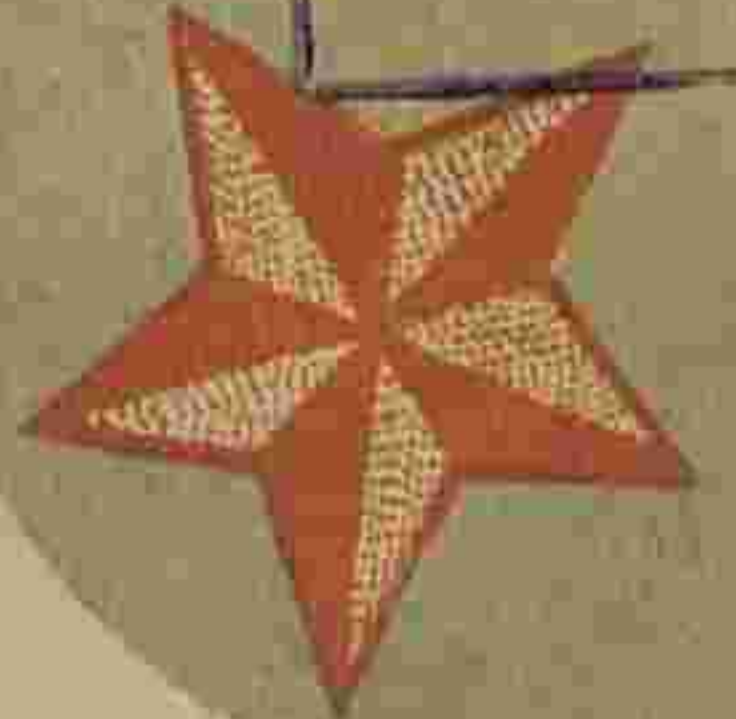
Долго говорили сестры. А затем сели и вместе написали письмо отцу на фронт. И такое это было чудесное письмо, что все бойцы подразделения его читали. И радовались вместе с отцом. И как не радоваться, когда дети растут настоящими советскими патриотами.

Эти две сестры настоящие ленинградские девочки. И не потому, что они живут в Ленинграде, не потому что они учатся в ленинградской школе, не потому, что их папа сражается на ленинградском фронте. Они настоящие ленинградки потому, что они живут, работают, учатся так, как подобает истинным ленинградским пионерам.

1948 г.
Лит. № 250
Вкладчик: м. / 11.

2

ЗАПОВЕДИ юного пионера

1

ПИОНЕР ВЕРЕН ДЕЛУ ЛЕНИНА — СТАЛИНА.

2

ПИОНЕР ГОРЯЧО ЛЮБИТ СВОЮ РОДИНУ И НЕНАВИДИТ ЕЕ ВРАГОВ.

3

ПИОНЕР СЧИТАЕТ ЧЕСТЬЮ СТАТЬ ЧЛЕНОМ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.

4

ПИОНЕР ЧЕСТЕН И ПРАВДИВ. ЕГО СЛОВО ТВЕРДО, КАК СТАЛЬ.

5

ПИОНЕР СМЕЛ, КАК ОРЕЛ. ОН ПРЕЗИРАЕТ ТРУСА.

6

У ПИОНЕРА ЗОРКИЙ ГЛАЗ, ЖЕЛЕЗНЫЕ МУСКУЛЫ, СТАЛЬНЫЕ НЕРВЫ.

7

ЗНАНИЯ НУЖНЫ ПИОНЕРУ, КАК ОРУЖИЕ В БОЮ.

8

ПИОНЕР — НЕ БЕЛОРУЧКА. ОН ТРУДОЛЮБИВ.

9

ПИОНЕР — ГОРДОСТЬ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

10

ПИОНЕР — ВСЕМ РЕБЯТАМ ПРИМЕР.

